

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИЙ

.....ЛАБУТЕНЫ.....
ДЛЯ ЗОЛУШКИ

Шпионы и все остальные (АСТ)

Данил Корецкий
Лабутены для Золушки

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Корецкий Д. А.

Лабутены для Золушки / Д. А. Корецкий — «Издательство АСТ»,
2019 — (Шпионы и все остальные (АСТ))

ISBN 978-5-17-111780-1

Скучное существование провинциального бухгалтера Киры разнообразилось лишь страшными снами про джунгли, где пляшут людоеды вокруг идола с алмазами в глазницах. И вдруг жизнь заблестала яркими красками: выигрыш в лотерее, отпуск в Ницце, избрание Королевой на престижном бале Цветов, коварное похищение и эффектное освобождение... Она не перестает удивляться каскаду приятных неожиданностей в водовороте случайных совпадений. Но возможны ли случайности в деле об алмазных копиях, за которые борются спецслужбы нескольких стран мира? И разберется ли новоявленная Золушка в хитросплетении происходящих вокруг нее событий?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-111780-1

© Корецкий Д. А., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	39
Глава 4	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Данил Аркадьевич Корецкий

Лабутены для Золушки

© Корецкий Д.А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

*Случайных совпадений нет: в мире ничего не происходит просто так,
будьте внимательны к знакам.*

Часть первая Романтичная сказка

Глава 1 Отпуск в Ницце

Тиходонск, наши дни

Бойся своих желаний – они могут исполниться.

Французская поговорка

В бухгалтерии «Картонки» – бывшей картонажной фабрики, мутировавшей в новые времена во второсортный офисно-коммерческий центр, все выглядело, как десятки лет назад. Те же обшарпанные столы, те же расшатанные стулья, те же облупленные канцелярские шкафы, и один железный ящик, громко именуемый сейфом. Старые калькуляторы, допотопный компьютер с треснувшим корпусом монитора, а на подоконнике еще лежал музейный экспонат – счета, которыми до недавнего времени пользовалась Нинванна.

Нельзя сказать, что работа кипела, наоборот, шла ни шатко, ни валко – в такт перманентному лаю бестолковой дворняжки Турбо во дворе. Все ждали прихода Наташки. Опаздывала она не больше обычного, но во взглядах бухгалтерш, время от времени бросаемых на обшарпанную входную дверь, читалось досадливое: «Да где же она шляется, эта Аренда?» Даже Алена, которая открыто Наташку недолюбливала и которая придумала ей обидное прозвище, намекающее на сдачу за вознаграждение во временное пользование собственного тела, даже она проявляла признаки нетерпения. Собственно, так было всегда. Но сегодня, по крайней мере, для томительного ожидания был вроде, как повод. Только Кире все это было безразлично – и хождения Наташки, и проверка графика отпусков. Она составляла отчет об оплате арендаторами левого крыла: автомастерская исполняла договор исправно, сосисочная тоже, хотя и нарушала сроки, а вот цветочный магазин, тир и парикмахерская уже имели задолженность, и это не шло ни в какие ворота, потому что могло сказаться на ее премии.

А для остальных формальным поводом нетерпеливого ожидания Наташки было то, что с утра пораньше, Нинванна, по привычке вечного профорга, затеялась сверять очередность отпусков.

– Давайте-ка, девочки, уточним кто когда. Во избежание. А то мало ли...

Что «мало ли», она не уточняла, по наипростейшей причине – сама не знала, что такого чрезвычайного может вдруг произойти в их тихом омуте. Но многозначительно постучала пальцем по лежащей на столе таблице.

– Так что давайте, выкладывайте – кто куда. Да и по срокам уточняйте, если что поменялось...

Нине Ивановне исполнилось пятьдесят семь. Грузная, седая, вечно растрепанная, в мешковатом растянutom платье, она выглядела старухой. Затеяла она свою сверку не только из досужего любопытства: кто и как собрался отгуливать законный отпуск. Ей нравилось имитировать собственную значимость: мол, того, кто не укатит на моря, и планирует париться в городе или на огороде, можно в случае необходимости и на работу, как репку из грядки, выдернуть. Так уж было заведено испокон веков – точнее, со времен советской власти, когда и сложился костяк здешнего коллектива. Нина Ивановна любила рассказывать, как в начале восьмидесятых, когда один за другим уходили из жизни Генеральные секретари – тогдашние цари СССР, вдруг понадобилось срочно изготовить корочки для каких-то партийных удосто-

верений. Немедленно объявили аврал, отозвали всех из отпусков, работали сверхурочно, без сна и отдыха, причем не в конторе, а в цеху, но ответственное задание выполнили! Потому и надо всегда быть начеку, в полной боевой готовности, если вдруг понадобится!

– Да кому мы, на фиг, понадобится? – Алена усмехнулась. – Тогда одни времена были, а сейчас другие!

– Одни, другие... – пробурчала Нина Ивановна. – А расслабляться нельзя! Вдруг опять шиномонтажку сожгут?

– Да это девяносто восьмой год, чего ты вспоминаешь, как девкой была! – вмешалась главбух Татьяна Витальевна. Она была помоложе лет на пять, закрашивала седину, пользовалась косметикой и делала укладку, да и за модой следила по мере возможностей, а потому разительно отличалась от старшей товарки и выглядела, как еще вполне себе ничего деловая женщина, правда, склонная к полноте. Но это не мешало ей решать вопросы с налоговой, ОБЭП, пожарниками и прочими контролирующими инстанциями, а также с рекламщиками и журналистами. Несмотря на разительную разницу во внешности, по ментальности она мало отличалась от Нины Ивановны, ибо обе они вышли из советского кадрового инкубатора и являлись «костяком» коллектива, в отличие от «молодежи», которая пользовалась калькуляторами своих мобильных и не знала, что такое субботник.

– Ладно, Таня, не цепляйся, – ответила Нинванна. – Вдруг найдется арендатор на освободившиеся площади в правом крыле! Кому суетиться, документы составлять, согласовывать?

– Какой арендатор летом! Ты чего, Нина!

– Так что, не заниматься согласованием? – оскорбленно поджала губы профорганизатор.

– Почему? Занимайся. Но без фанатизма. А то Николай Всеволодович живо твой профсоюз прикроет...

Упоминание имени владельца «Картонки» подействовало, как ушат холодной воды.

– Итак, подаю пример, – снова окрепшим голосом продолжила Нинванна. – Я иду по графику и снова буду на даче. Спиногрызов-то мне опять на все лето приправят, больше некуда... Дочка с зятем, может быть, на пару недель куда-нибудь в Анапу или Крым вырвутся. Ну а мне морковку полоть, клубнику поливать, да за внуками присматривать. Одним словом, крутись бабка, до пенсии далеко! Мой-то Василий в этом не особенно помогает...

Спиногрызами она называла внуков шести и восьми лет, которые вертели ею, как хотели. Кире это слово не нравилось – в ее представлении бабушка должна называть любимых внуков более ласково. Если они, конечно, любимые. Да и дачи никакой у старшей товарки не было – обычный сад на шести сотках, с завалухой без удобств. Можно считать, что и отпуска у нее нет, если понимать под отпуском красивую и яркую передышку от рутины и монотонности повседневного бытия...

– Я тоже никуда не поеду, – сообщила Татьяна Витальевна. – Дома дел накопилось выше крыши. Вот все и переделаю, отосплюсь, телевизор посмотрю вволю. Там все самое интересное поздно ночью показывают, а утром на работу не надо будет вскакивать! Может, со Степаном Михалычем в кино ходим...

«И у нее нет отпуска», – отметила Кира.

– А я к брату намылилась, во Владивосток, – вздохнула тощая Алена, которая своим внешним видом полностью подтверждала справедливость поговорки: «Худая корова еще не газель...» Вдобавок она всегда выглядела недовольной, потому что уголки губ были опущены книзу, даже если она улыбалась. Ей вот-вот стукнет сорок, но выглядела она постарше, может, потому, что замужем никогда не была и давно махнула на себя рукой.

– Брат там дом строит, надо помочь. За строителями последить, кашеварить, то да се...

«И у этой то же самое!»

– Значит, все идут по графику! – удовлетворенно подвела итог Нинванна. И бросила взгляд на пожелтевшую, в потеках краски и трещинах входную дверь. И другие женщины смот-

рели туда же. Планы Киры никого не интересовали: коллеги знали, что у нее тоже будет не отпуск, а привычная серость бытия. Все с надеждой ждали Наташку, которая должна разбавить низкобюджетное отпускное уныние.

«Вот ведь странно, – удивлялась Кира. Ей было двадцать пять, и она представляла новое поколение, но под влиянием окружения ничем не выделялась на неухоженной бухгалтерской клумбе. – За глаза костерят на чем свет, называют Арендой, а понимают же: скука смертная без нее. Ждут, как дети сказку...»

Наташкины сказки, правда, были не для детей: из серии «про любофь», причем сплошь со знаком «18++». Но для конторских теток, бесповоротно запущенных, и по мужской части обделенных даже при наличии супругов, эта щекочущая откровенность играла роль витаминов для матросов средневековых галеонов и каравелл, которым угрожала цинга в многомесячном плавании. Надо признаться, что и Кира с интересом слушала Наташку, которая хотя и была младше ее на три года, но выделялась среди остальных, как яркая алая роза на пожухлой клумбе.

– Слышь, Кирка, ну что, за тобой еще мужики следят? – вдруг спросила Алена.

Кира не отвечала.

– Может, они все в тебя влюбились? Вот и ходят табунами следом. Сейчас начнут цветами забрасывать, подарки дарить...

– Отстань, – огрызнулась Кира.

В бухгалтерии воцарилась тишина, но все думали об одном, и предмет этих раздумий вдруг выдала Нинванна.

– Да, девчонки! – Она оторвалась от графика отпусков и хлопнула себя по лбу. – Совсем забыла! Я же в субботу Аренду встретила в аптеке!

– Небось, презервативы покупала? – с издевкой спросила Алена.

– Нет, как приличная, мазь какую-то. Анальная смазка называется. Видно приболела...

Алена взвизгнула и дико расхохоталась, сложившись, как перочинный ножик, и упав лицом на стол. Кира глянула удивленно, Нинванна и Тамара Витальевна недоуменно переглянулись.

– Что ты хохочешь? – подняла брови главбух. – Что смешного? Лекарство покупала, ну и что? Анальная – это какая?

Алена билась в истерике, одной рукой держась за живот, а второй колотя по столу.

– А-а-а-на... Ана-а-а-льная – эт-т-т-о для зад-ни-цы, – с трудом выговорила она и выскочила из комнаты. Теперь ее хохот раздавался в коридоре.

Старейшины бухгалтерии снова переглянулись.

– Может, у нее геморрой? – спросила Нинванна. – У меня тоже после родов...

«А вы ей туда загляните», – чуть не сказала Кира, но удержала мысль, не дав ей превратиться в слова. Все-таки, это было удивительно. Четыре разновозрастные работницы бухгалтерии обнищавшей картонажной фабрики вот уже четвертый год подряд, с момента появления Наташки, начинали день с того, что выслушивали очередной рассказ о ее похождениях – сосредоточенно и увлеченно. Симптомы напоминали маниакальную привязанность к любимому сериалу. Как-то раз во время ее рассказа включилась пожарная сирена – слушательницы не пошевелились. Татьяна Витальевна лишь пожала пышными плечами: «Учебная...»

Тревога действительно оказалась учебной, но после того случая Кира окончательно перестала удивляться обостренному интересу коллег к Наташкиным откровениям: они помогали заполнить пустоту собственных среднестатистических жизней, протекавших в стандартных квартирках, в решении стандартных проблем, со стандартными, как ни крути, перспективами. Предугадать, с какой историей заявится поутру Наташка, было невозможно. Однажды, вытянув руку с ухоженными ногтями, продемонстрировала сослуживицам оттопыренный мизинец с бриллиантовым кольцом:

– Козлик подарил. Сказал, что я – Мадонна... С размером вот не угадал. Только на мизинец и налезло. И не расширить, камень может выпасть...

Козликом прозывался низкорослый толстячок с выпученными глазами, который таскался за Наташкой на почтительном расстоянии добрую неделю, прежде чем решился подойти познакомиться. А познакомившись, дней десять фанатично обожествлял избранницу, подрывая семейный (да, да, Козлик оказался женатым) бюджет, – после чего, уличенный женой в адюльтере, печально канул в Лету, оставив прощальную записку в стихах, которые Наташка и зачитала в конторе, прыская со смеху и жеманно закатывая глаза: «Я буду вечно вспоминать жару полуночных объятий».

– Ну, это он того... поэтически приврал, – уверенно комментировала Наташка. – Обошлось без допуска к телу. Обняла его разочек на прощание, после кабака. Вот и вся жара!

– Ясное дело! – саркастически подыграла Алена. – Не на ту напал, охламон!

– Поэтическая натура! – понимающе кивала святая простота Татьяна Витальевна. – Мне на первом курсе, помню, тоже писал один. Соловьем заливался...

В другой раз зареванная, с дрожащим подбородком, Наташка выставила на обозрение охающим товаркам лиловый фингал, на время затмивший сияние левого глаза:

– Это Сеня. Сказал, что я шлюха! Не так на его друзей смотрела...

Тогдашний ее Сеня был обладателем налитых боксерской силой железных кулаков и настолько взрывного нрава, что Наташка вздохнула с большим облегчением, когда его посадили за пьяную драку с разгромом придорожного кафе. А когда объявили приговор, и оказалось, что Сеня ближайшие три года проведет за решеткой, Наташка угостила бухгалтерию шампанским с шоколадными конфетами.

– Эх, жаль, на лабутены не успела раскрутить, – без особой горечи посетовала она. – Зажал, бычара!

– Что за лабутены? – спросила Нинванна.

– Самые модные туфли. С красной подошвой. Крутые – от тысячи долларов... Сенька пропивал больше. Козлик, конечно, мог купить, но он быстро сдулся...

– Они у тебя все «сдуваются», – ядовито усмехнулась Алена.

– Ничего, мужики уходят, а сапожки остаются! Просто с Сенькой я не доработала...

– Да зачем они тебе так нужны, эти лабутены? – удивилась Нинванна. – У тебя же и туфли хорошие есть, и платья... Да и наверстаешь, какие твои годы!

– Вот именно, – поддакнула Татьяна Витальевна. – Еще успеешь – купишь... Ну, или подарят...

В ответном взгляде Наташки мелькнуло нечто такое, что смешалась и Нинванна, и остальные дамы почувствовали себя полными дурами.

– Да затем, что все в жизни снашивается, – снисходительно объяснила Наташка. – И туфли, и платья, и моя... краса неземная! Так что надо сейчас впрок запастись, потом уже не получится!

Шампанское выпили, конфеты съели, за Наташку порадовались, стали расходиться. Размалинившись от выпивки, Наташка подсела к Кире и сообщила ей голосом проникновенным и бархатистым, каким давние подруги говорят о сокровенном:

– Дура ты набитая, девушка!

От этого зачина – от удивления, что Наташка, которая говорит «ложить» и «хорошее кофе» – может называть ее дурой, Кира огорошено притихла, и последующие поучения слушала молча, не шелохнувшись. И слушая, все примеряла на себя сказанное: «Дура... дура».

– Ну, эти наши клуши понятно – сошли с круга: на двух мяса в два раза больше, чем надо, на одной – в два раза меньше. Да и старые уже... А ты молодая, с фигуркой, тебя приодеть, намарафетить – будешь классной телкой! – напористо говорила Наташка, для убедительности

выразительно артикулируя пухлыми губами. – Что ж ты прозябаешь? Неужели парня найти трудно? Нормального. Чтобы и при деньгах, и не жмот, и по этому делу подходящий!

Она согнула руку в локте, сжала кулак, и выразительно подмигнула.

– А то я смотрю, что ты голодная ходишь – так быстро увянешь, состаришься, а жизни и не узнаешь!

– Почему голодная? Я нормально питаюсь! – робко возразила Кира, но Наташка так расхохоталась, что она тут же поняла свою ошибку и несколько смутилась. В этом советчица была права.

– Нормальный парень тебя быстро накормит досыта, – выговорила сквозь смех Наташка. – Не то, что этот твой, как его, ботан для выгула...

Под ботаном для выгула подразумевался Коляшка, друг детства. Собранные в хвост немытые волосы, растянутые майки с черепами, близоруко сощуренные глаза – носить очки Коляшка стеснялся. Математик. Теория вероятностей, похоже, заменяла ему и личную жизнь, и пятничные пьянки с друзьями. Они с Кирой иногда встречались, прогуливались по бульвару, беседовали на возвышенные темы – музыка, литература, театр. В кафе, конечно, не заходили, да и никуда не заходили – денег у Коляшки не водилось. Кира считала, что это в порядке вещей – и безденежье, и прогулки с беседами. Но Наташка как-то встретила их, расспросила и, подкатив глаза, только покачала головой:

– Ну, и дурра! Нашла кавалера...

– Он, между прочим, талантливый математик, – пыталась возвысить Коляшку, и в определенной мере себя, Кира. – Недавно даже кандидатскую защитил!

– А что толку? – скривилась Наташка. – Тебе-то что с его талантов?

И вот сейчас вспомнила, даже смеяться перестала, и сморщилась брезгливо: наверно, представила Коляшку.

– Приведи себя в порядок и дуй в приличный клуб. Танцевать умеешь? Внутри мартини, в руках бикини, – напела она. – И не забывай: чтобы сесть мужику на шею, нужно раздвинуть ноги! Но с разбором: если каждому давать – поломается кровать... Вначале поводи его на леске, как мой папа-рыбак сазанов, да лещей по выходным вываживает, а потом, когда он к твоей сумочке привыкнет, крути им, как хочешь!

– У меня одна сумочка, чего к ней привыкать? – робко поинтересовалась Кира.

Наташка снова цинично захохотала.

– Вот к этой сумочке, – она так энергично ткнула пальцем Кире в лобок, что та отодвинулась. – Вот к этой! Привык – и ты его хозяйка!

– Пряма-таки хозяйка? – усомнилась Кира. – А если он повернется и уйдет?

– Один уйдет – другой придет! – замахала руками Наташка. – Они вокруг толпами кружатся, как пчелы вокруг меда. Вот когда козлик сделал финт ушами, я стала думать, куда пойти половить... А не успела даже с работы выйти, как из мойки «Гелик» выезжает, остановился рядом: «Садитесь, девушка, подвезу!»

– Это кто – Гелик?

– «Гелендваген» – джип такой, мерседесовский, а сидел в нем Сенька... Вот и нашлась замена! Я подумать не успела, а он уже тут, как тут... Жалко, только, что такой дурболай оказался – все кулаками размахивал...

Кира только головой покачала. Она совершенно не представляла, как ее со всех сторон вдруг начнут атаковать мужчины, желающие, чтобы она ими «крутила, как хочет». Тем более что никогда такого не было. Да и вообще, Наташкину аллегорию она видела по-другому: не пчелы кружатся вокруг меда, а жирные зеленые мухи вокруг... Ну, ясно, вокруг чего. Интеллигентная девушка даже мысленно не станет уточнять... Но с другой стороны, Наташка-то знает, что говорит – опыт у нее богатый! Хотя, у каждого свой опыт...

Она тяжело вздохнула.

– Ну, что молчишь? Пошли сегодня в «Цепи» или «Панораму»? Познакомимся, то-се... Вместе оно и спокойней. Идем, угощаю, если что. Ну, чего? Нет? Эх, дура ты, Кирка, дура! Тогда я сама пошла – мне девчонки одно новое «рыбное» место подсказали...

Один раз Наташка повела ее в салон «Мир ногтей», где делала маникюр, педикюр, наращивание, – словом все! Но увидев преysкурant Кира оттуда быстро ретировалась: мол, как обходилась своими силами, так и дальше обойдусь! Но она была впечатлительной натурой, и ночью ей приснился страшный мир: ногти, повсюду ногти! Они хрустят под ногами, возвышаются тут и там трехметровыми валунами, скальной грядой перекрывают горизонт, облаками плывут по небу, даже дождь тут идет острыми разноцветными обрезками ногтей... Кира проснулась с колотящимся сердцем и не могла заснуть до утра. А Наташка хвасталась свежим маникюром и насмешливо улыбалась...

«Интересно, куда она рванет на этот раз? – гадала Кира, высматривая ее в окно. – И с кем? Вроде бы, сейчас у нее Сергуня. А там как знать»...

Зимой был Любшин, чрезвычайно солидный на вид, из мелких чиновников. И Париж.

В самые ненастные декабрьские деньки, когда улицы утонули в снегопадах и ноги разъезжались в грязной каше из раскисшего снега и противогололедных смесей, Наташка ворвалась в бухгалтерию с новостью:

– Еду в Париж! На рождественские каникулы! Любшин сюрприз устроил! Говорит: увидеть Париж и умереть!

Сказала артистично, с выражением, и картинно сбросила на спинку стула неправдоподобно дорогую шубу, подаренную кем-то из бывших.

Любшин был, пожалуй, самым интеллигентным из Наташкиных воздыхателей. Зато и продержался возле нее совсем недолго, не больше месяца. Может быть, именно поэтому.

– Ничего! – философски сказала Наташка. – Сказки длинными не бывают!

Ей недели, проведенной «в реальном Париже», хватило на целый водопад воспоминаний:

– На Монмартре пили абсент... На Рю де ла Пэ смотрели канкан... Столица мира! Ой, девочки, а какие там шмотки! А телки, особенно в «Мулен Руж»!

Кира смотрела на Наташку, устремившую подернутый поволокой взгляд куда-то в «прекрасное далеко», как будто видела сквозь разваливающиеся от старости канцелярские шкафы и источенные грибком стены сияющую огнями Эйфелеву башню. Смотрела, и в который раз пыталась презирать смазливую двоечницу. И в который раз не получалось.

Тогда-то, под хвастливую болтовню Наташки, путавшей названия универмагов и кабаре, прохладную иронию в ее сердце окончательно вытеснила позорная зависть. Париж! Монмартр и Сена! Секре Ке и Нотр-Дам! В ушах пели скрипки и аккордеоны маленьких баров, открытых кафе, сияла огнями Эйфелева башня, кипела пузырьками в высоких бокалах «Вдова Клико» и звали, манили на неспешную прогулку узкие улочки старого Парижа...

Как же она хотела в Париж!

Полгода Наташка гремела цветными стекляшками банальных своих воспоминаний, вызывая в Кире приступы мрачного протеста: это она, ценительница французской литературы, знаток французского кино, – она должна была рассказывать им о Париже, своем Париже, по которому ходили герои Франсуазы Саган и Жоржа Сименона, который вдохновлял Мане и Родена. А вместо этого она вместе со всеми слушала про обалденные устрицы и огромную круглую кровать в гостинице с видом на какую-то площадь.

И вот очередное обострение – настала пора летних отпусков. Сейчас она придет и расскажет о своих умопомрачительных планах, которые затмят все ранее здесь сказанное, как «Вдова Клико» затмевает привычную пепси-колу...

Но вначале вернулась Алена. Она уже успокоилась, хотя, судя по влажному лицу, для этого ей пришлось умыться. Не глядя на товарок, села на свое место, начала перебирать наклад-

ные и отчеты. Все молчали, раздавался только шелест документов, да шелканье клавиш допотопного компьютера.

– Кир, а ты куда? – вдруг спросила Алена, очевидно просто для того, чтобы нарушить молчание. Она просунула пачку бумаг в здоровенный дырокол и приготовилась ударить по нему как следует: компостер был старый и тугой.

– Я? – очнулась Кира.

– Да. Собралась куда или дома отгуляешь? – подключилась Нинванна.

Так уж было угодно судьбе: именно в этот момент дверь привычно скрипнула и на пороге появилась Наташка. Ничего не скажешь, зверской красоты девчонка. Блондинка с голубыми глазами. Высокая, длинноногая, пухлые, как у Анджелины Джоли, губы, небольшой римский нос, затейливый разноцветный маникюр. Легкое просторное платье наводило на мысль о Бегущей по волнам, или Летающей царевне, а может, просто намекало, на ее способность творить чудеса.

А что извилины в мозгах у Наташки такие же прямые, как ее ноги, так кого это интересует? Мужики любого возраста, семейного положения, цвета и сорта, прилеплялись к ней, будто она клеем намазана, стоило Наташке появиться без сопровождения в местах их естественного обитания. И до ее мозгов не было им никакого дела – тем более что собственные в девяти из десяти случаев они утрачивали при первом же визуальном контакте. А может, не имели их от рождения.

– Что уставились, как на привидение? – хищно усмехнулась Наташка. Эта усмешка и придавала ей сходство со зверем. Или, по крайней мере, с небольшим плотоядным зверьком, может, куницей. Ощувив болезненный укол зависти, Кира не глядя взяла со стола заколку, автоматическим жестом подобрала свисающую со лба прядь – утром снова поленилась возиться с прической – и то ли с кокетством, то ли с отчаянием тряхнула головой.

– В Ниццу собираюсь. На Лазурный Берег!

От неожиданности Алена грохнула дыроколом так, что из соседнего кабинета застучали в стену. Три женщины замерли за своими столами. Стопы картонных папок с ботиночными тесемками, казалось, встали по стойке «смирно». Наташка у двери озадаченно оттопырила губу.

«Вот только ради этого момента стоило соврать», – подумала Кира, смакуя пьянящее мстительное удовлетворение.

Но тут же ее настигло жестокое похмелье. «Соврала! Вслух, принародно!» Обводя взглядом обалдевших коллег, Кира казнилась, как мученик Инквизиции. Разоблачительные насмешки она принял бы с благодарностью. Извинения и оправдания уже готовы были сорваться с языка: «Простите, сама не знаю, вырвалось».

– На Лазурку?! – взвизгнула Наташка и помрачнела.

– Ки-ирка! – протянула Алена, с шумом выпустив воздух. – Ки-ирка! Ну, надо же! И молча-ала!

– Молодец, девка! – кивнула Татьяна Витальевна. Массивное тело начальницы заколыхалось, как бы одобряя и официально утверждая Кирины планы. – По Европам будет разъезжать. А чего ж, молодым везде у нас дорога – вон, Наталья тропинку уже проложила. Мы с моим Степаном, пока дочка не родилась, тоже каждый год в Ессентуки ездили. Сколько ж, интересно, твоя Ницца потянет-то? Копила, небось, не один год?

– Ну, Татьяна Витальевна! – скривилась Наташка. – Ну, разве уважающая себя телка... в смысле, женщина, поедет во Францию сама? В смысле, за свой счет?! Все ж понятно – Кирка подцепила на крючок икрыного осетра! Ну, колись, тихоня!

Наташка пронзила Киру таким взглядом, что та даже поежилась.

– Лямур-тужур? Да? Солидный мужик?

Только Наташка была способна одним махом так правдоподобно развить ее опрометчивое вранье, и только Наташка могла так шаблонно при этом ошибаться. «Мужик»! Последний – впрочем, он же и первый – Кирин любовник скрылся с горизонта четыре года назад, оставив после себя горький вкус ночных слез и дрожь при воспоминании о больнице, где ее, казалось, резали на куски, выдирая руками в резиновых перчатках маленькое, нежное, так и не родившееся...

– Ясное дело, мужик! – поддержала версию Алена. – Разве кто из нас может самостоятельно купить тур в Ниццу? На двенадцать тысяч в месяц!

– Это без премий! – строго поправила Татьяна Витальевна. – И прогрессивки!

– И с премиями можно ноги протянуть, – огрызнулась Алена.

– Ты лучше их не протягивай, а расставляй! – хихикнула Наташка.

– Это не всем доступно, – отмахнулась Алена.

– Точно, для этого надо ноги иметь, а не кожерыжки, – еще раз хихикнула Аренда.

– Брось свои бл...кие штучки! Ты бы на зарплату так пошиковала?

Рассуждала она как всегда трезво. Зарплаты у работниц картонажной фабрики имени Клары Цеткин определенно были рассчитаны на тех, кто питается манной небесной. Кира – так же автоматически, как заколола челку при появлении Натахи – произвела мысленный расчет: даже если тратиться только на проезд и квартплату, копить на неделю в Ницце ей пришлось бы не меньше года. А то и больше.

Ситуация тем временем стремительно развивалась – причем без малейшего участия Киры, охваченной странным, непреодолимым оцепенением.

– И очень хорошо, так и надо, Кирочка, – качнула тяжелым подбородком главбух. – Мужик нынче пошел пуганый, мелкий, только о себе думает. Если сумела из него шикарный отдых выжать – считай, повезло. Может, такое раз в жизни и выпадет!

– Давай, давай, колись, скромница наша! – наседали Наташка. – Богатый? Или на последнее везет? Красивый? Влюбленный?

Эх, врать, так врать! Отвечать придется позже. А сейчас хотелось насладиться моментом по максимуму, упиться удивлением и любопытством конторских дам, как комар упивается кровушкой дачника, кряхтящего над огородными грядками.

– Дааа, – скромно потупилась Кира, краешком сознания все-таки пытаясь сообразить, как же она будет выпутываться, когда в их тихий кабинет нагрянет час истины. – Богатый. Вроде бы. Красивый. Влюблен, цветами задарил.

– И умный, – добавила она, подумав. – Кандидат химических наук.

Мол, в конце концов, я вам не Наташка! И действительно, невзрачный одноклассник Коляшка уже несколько лет имел кандидатскую степень. Небось, даже у Наташки не было таких ухажеров! Хотя, ей и не нужны такие!

– Здо-о-о-рово, – протянула Алена.

Наташка молчала. И только хлопала длиннющими своими ресницами.

«Ну и пусть. Выкручусь как-нибудь», – повторяла себе Кира, расправляя плечи и красиво, как героиня французского фильма, закидывая ногу на ногу.

Двадцать семь лет. Двадцать семь. Может быть, и не возраст для того, чтобы ставить крест на личной жизни, но уж совершенно точно не повод предаваться глупейшим романтическим мечтам! Какой к чертям Лазурный Берег?! Какая Ницца? Ляпнула сдуру – и, можно сказать, осталась без новых сапог к зиме. Потому что выхода нет, придется где-то брать этот бронзовый загар, будь он неладен!

– Слушай, Наташа, а что такое ты тогда в аптеке покупала? – вдруг вспомнила Нин-ванна. – Ну, эту... Анальную смазку? От чего она?

– Да ни от чего! – махнула рукой Наташка. – Обыкновенный лубрикант!

– А-а-а-а, – кивнула Нинванна и вопросительно посмотрела на Татьяну Витальевну. Но та только недоуменно пожала плечами. Обе перевели взгляды на Алену, которая уткнулась головой в стол, закрылась пыльной папкой и захрюкала.

– Хватит болтать на посторонние темы! – строго призвала к порядку главный бухгалтер. – У нас проблемы с сосисочной, и с цветами, да и еще много арендаторов, нарушающих договоры. Займитесь делом!

Вечером после работы Кира напрочь забыла о своем хитроумном плане: перед тем как выйти из проходной, постоять за витринным стеклом, проверить, дожидается ли ее кто-нибудь из тех, с кем она подозрительно часто пересекается в последнее время на улице, в автобусах и магазинах. Вышла, как обычно, и пошла, погруженная в свои невеселые раздумья о бронзовом загаре.

Это был ее особый талант – ни к какому делу, впрочем, никак не приспособленный – Кира запоминала лица случайных людей, хотя бы мельком попавших в поле зрения. Достаточно было выхватить кого-нибудь из толпы, зацепившись за какую-нибудь деталь, или несколько раз обратить внимание на какого-нибудь ничем не приметного персонажа и – щелк, память автоматически наводила резкость, фотографировала и убирала в архив. Чтобы потом, так же автоматически, подсказывать без каких бы то ни было специальных усилий: «С этой девчушкой в наушниках вчера входили в метро через соседние турникеты. Этот здоровяк уже попался возле этого магазина, живет где-то поблизости». Запоминались и лица, и обстоятельства. Непонятно было только, зачем Кире такие способности.

«Похоже на слежку», – с удивлением подумала она, обнаружив, что двое малопримечательных мужчин снова и снова, в разной последовательности, но с завидным постоянством, попадают ей на глаза по дороге из дома на работу, и с работы домой. Когда один из них мелькнул в супермаркете возле дома субботним утром, Кира укрепилась в своих подозрениях и поделилась ими в бухгалтерии. Коллеги, конечно же, подняли ее на смех.

– Ты какой сериал сейчас смотришь? – поинтересовалась Татьяна Витальевна. – Шпионский, что ли?

– Да она же у нас не по сериалам, – напомнила Алена. – Она же по книжкам. Небось, взяла в библиотеке какой-нибудь роман, а там на полях швейцарский шифр записан – от сейфа, где золото партии. Ну, и охотятся за ней теперь.

– А бывает еще, от недостатка мужской ласки мерещится, что тебя хотят изнасиловать, – у Наташки на все были свои объяснения. – Ну, типа, подсознание начинает фантазировать на любимую тему...

Что и говорить, Кира пожалела, что рассказала в бухгалтерии о своих наблюдениях. Она-то знала, что насмешки коллег ничего не объясняют. Мало того что мужчины попадались ей с подозрительным постоянством, они наверняка были знакомы друг с другом. Их выдавали взгляды, которыми они обменивались – еле уловимые, но заметные наблюдателю, перемены в мимике и жестах.

Кира выбирала из двух сценариев: начать, как в шпионском кино, петлять по городу, чтобы посмотреть, как поведут себя подозрительные субчики – или подойти к одному из них с каким-нибудь надуманным вопросом и понаблюдать за реакцией. Но на такие вещи решаются только бойкие героини детективных фильмов, а не серые мышки из реальной действительности. Тем более сегодня необдуманное вранье про отпуск так выбило ее из колеи, что она шла, ничего вокруг не замечая.

Под перестук колес поезда воспоминаний, память ее отправилась напрямик туда, куда Кира предпочитала не соваться без крайней необходимости. Видимо, совесть в наказание за беспардонную ложь, подсовывала ей самое болезненное, запретное – воспоминания об отце. Со слов матери Кира знала, что он всю жизнь болтался по своим экспедициям, и дома от него толку не было. Дочь действительно родилась в отсутствие родителя, и познакомилась с ним,

когда уже научилась разговаривать. Загорелый и молчаливый, отец вернулся из своей последней африканской командировки, где искал то ли нефть, то ли редкоземельные металлы. Привез удивительные подарки: страшную статуэтку из черного дерева с дырками вместо глаз, костяные бусы, браслет из буйволиной кожи, и даже настоящий шаманский амулет из зуба крокодила. Это не надоевшие куклы и плюшевые мишки! Африканские сокровища окружили Киру плотным облаком зависти дворовых подружек. Чудесное время, не повторившееся больше никогда. Впрочем, оказалось оно слишком мимолетным. Каким бы волшебным ни было содержимое тощего папиного рюкзака, скрыть от чуткой девочки семейный разлад оно не могло.

Уже в шесть лет Кира начала замечать, что папа с мамой почти не разговаривают. Компенсируя внутрисемейную изоляцию, отец много времени проводил с ней, рассказывал какие-то страшные истории про свои африканские приключения, водил в зоопарк, где показывал крокодилов, ягуара и обезьян, с которыми встречался в условиях их естественного обитания. Уже много лет спустя Кира поняла, что маленькая дочка заменяла для него весь круг общения, без которого человек не может существовать. Но она быстро уставала от взрослых разговоров и при первом удобном случае убегала к подружкам...

Дома отец старался не бывать, купил ружье и несколько раз ходил на охоту, но для охоты нужна компания, а он тяжело сходилась с людьми, поэтому отвлечься новым занятием удалось ненадолго. Кира поначалу думала, что это пройдет, что родителям нужно заново друг к другу привыкнуть – все-таки папа пробыл в Африке долго, больше трех лет. Но она росла, а положение не менялось, наоборот – чем дальше, тем глубже становилась пропасть, скандалы вспыхивали почти каждый день.

Ссориться отец не умел. Скандалы сводились к монологам Софьи Андреевны, которые он зачем-то выслушивал от начала до конца, до оглушительной точки в виде хлопнувшей двери или сброшенной на пол посуды. Софья Андреевна, бывшая активистка-общественница, пламенный строитель коммунизма, была по-ленински темпераментна, и в бою тверда. На попытки Киры расспросить о происходящем, заговорить об отце отвечала сухо, будто подписывала приговор: «Этот человек оказался предателем».

Объяснять, в чем конкретно состояло его преступление, Софья Андреевна не утруждалась. Все, что было в распоряжении Киры – финальные фразы страстной обвинительной речи, которые мама обрушивала на отца. Кира нарвалась на эту сцену, вернувшись из школы. Отец молча сидел на табурете в кухне, вяло помешивая ложечкой в стальной металлической кружке. Всегда пил чай из любимой походной кружки, которая прошла с ним несколько экспедиций, тонула в Енисее, была отбита у злобной африканской макаки. Каждый раз, когда отец чаевничал, Кире казалось, что он сбегает к своим, в геологическую партию – а других партий он никогда и не признавал. Шквал обвинений Дмитрий Евгеньевич принимал с видом стоическим, будто, сидя в брезентовой палатке под проливным дождем, слушал степенного диктора «Маяка».

– Штрейкбрехер! Капитулировал перед капиталистами! Из-за таких, как ты, развалилась великая страна! – кричала мать. – Не за такого буржуйского прихвостня я выходила замуж! Вместо того чтобы сопротивляться!

Она металась по кухне и полы халата распахивались, как полы шинели, а свернутая газета «За власть Советов», в которой мать работала корректором, словно шашка, рубила воздух. Предательство Дмитрия Евгеньевича состояло, собственно, в том, что он устроился геодезистом в частную строительную компанию – а эта компания снесла под новую застройку дом, в котором до Октябрьской революции работала подпольная типография ВКП(б). Вот, оказывается, что он сотворил! «Даже памятная доска не остановила!» Вместо того чтобы вслед за Софьей Андреевной ходить на митинги и пикеты под красными зюгановскими флагами, он стал на сторону врага...

Как ни силилась, Кира не смогла понять упрямую логику матери. На деньги, привезенные из командировки, на презренные капиталистические доллары, семья жила несколько лет. И это в те времена, когда известные артисты и ученые мыли подъезды, торговали на базарах, или ездили «челноками» в Турцию и Китай. Отцовской зарплатой геодезиста, которую тот регулярно в начале месяца оставлял на серванте, распоряжалась подрастающая Кира. Мать хоть и отказалась притрагиваться к штрейкбрехерским деньгам, от купленных на них продуктов не отказывалась.

«И слава богу, – думала Кира, регулярно наведываясь в гастроном по пути из школы. – Только голодовки мне не хватало!»

Отчуждение между родителями нарастало, в конце концов, отец сбежал на дачу, если так можно было назвать дощатый сборный домик на шести сотках заросшей бурьяном земли.

– Прости, дочка, – сказал он. – Больше не могу. В джунглях – со змеями, крокодилами, людоедами мне спокойней было. А сейчас все, допекло!

Девочка Кира, отличница школы с углубленным изучением французского языка, которая перешла в девятый класс, не пыталась его отговорить, понимала: переживать острую классовую борьбу в панельной двушке действительно невозможно. Просто, впервые призналась себе: у нее больше нет семьи!

После отступления отца все чаще стало доставаться и самой Кире. «Ты превращаешься в пустышку, в жуткую мешчанку, без идей, без будущего!» Кира – папина дочка – молча приняла удар, предназначавшийся то ли отцу, то ли всему вероломному миру, не оправдавшему надежд Софьи Андреевны и всего прогрессивного человечества. Советская терминология прекрасно описывала ее жизнь.

– Как там ваша «холодная война»? – спрашивал отец, когда они встречались.

Кира только отмахивалась: сам знаешь. Изредка, впрочем, случались и длительные периоды разрядки, когда мать и дочь старательно обходили все, что могло спровоцировать столкновения, выбирая для бесед за завтраком и ужином самые безобидные темы вроде изменчивой тиходонской погоды или перебоев с горячей водой.

Она до последнего ждала, что мать перерастет свой слепой бессмысленный фанатизм. Но Софья Андреевна, оставшись не у дел после того как спонсор закрыл газету «За власть Советов», чтобы вложиться в новый издательский проект под названием «Мужской стиль», неожиданно для всех начала пить. Пристрастие к алкоголю развивалось стремительно. За несколько месяцев пылающая большевичка с жестко поджатыми губами превратилась в красноносую шумливую бабищу. За деньгами, которыми снабжал семью Дмитрий Евгеньевич, она теперь охотилась. Так что Кире пришлось сказать отцу, чтобы он оставлял зарплату при себе. Сама ездила к нему на дачу каждые выходные, брала понемногу, не больше, чем на неделю.

За мать Кира переживала страшно. Но все, что могла – получше прятать от нее «штрейкбрехерские сребреники» и отбивать предпринимаемые время от времени попытки завладеть ими в лобовой атаке или в результате хитроумной операции с прорывами по флангам и отвлекающими маневрами. Софья Андреевна сохраняла боевитость, даже круглосуточно пребывая подшофе. Говорить с Кирой об отце отказывалась напрочь, зато откровенничала с классово близкой дворничихой Зойкой, душевной своей собутыльницей.

– Связался со швалью. Помогать страну дербанить. Советская власть дала ему профессию, а он пошел в услужение к тем, кто ее погубил. Может, его капитализм развратил... Хотя какой в Африке капитализм? Нет, он и раньше такой был! Без идейного стержня...

Мать жила в несуществующем мире – и, судя по всему, так было всегда. Наверняка понимал это и отец. Не потому ли так надолго сбежал в Африку? Хотя там ему пришлось несладко: над глазом шрам, на теле несколько заживших дырок... Да и замкнулся наглухо – ни друзей, ни увлечений. Хотя дачу привел в порядок: дом обложил кирпичом, проложил водопровод,

даже теплый туалет сделал. И участок обустроил: теперь вместо бурьяна там растет картофель, огурцы, помидоры, яблони и груши...

Но вызволить Софью Андреевну из ее мрачных иллюзий ни дочь, ни муж были не в силах. Любая попытка устроить семейный вечер или просто поговорить по душам проваливалась, заканчиваясь марксистской анафемой отступникам, продавшим великий СССР.

Она сгорела быстро. К тому времени, как Кира оканчивала первый курс в Финансовой академии – бывшем институте народного хозяйства, пила уже ежедневно, распродавая из дома все, что попадалось под руку – книги, мебель, посуду, даже африканские сувениры. Аккурат на совершеннолетие дочери, в ее день рождения, возвращалась средь бела дня домой от магазина и угодила под «Мерседес» классового врага. Смерть была мгновенной. Зоя потом любила удивляться, что бутылка, которую несла из магазина Софья Андреевна, осталась цела и невредима.

– Сама, значит, насмерть, а бутылка целехонька, вот чудеса!

Зойкино представление о чуде ввергало Киру в отчаяние. Что и говорить, не таких чудес ждала от жизни чуткая начитанная девушка.

Как многие до нее, Кира была уверена, что никогда не привыкнет к равнодушному холоду пустой квартиры, бьющему в лицо, едва только она открывала дверь. Но так же, как многие, привыкла.

Вот и сейчас девушка, отперев дверь, немного постояла в коридорчике, не включая свет и прислушиваясь к мерному тиканью будильника в бывшей маминой комнате. Вдохнула. Скинула старенькие босоножки на танкетке. Прошла в комнату, подхватила лежащий на журнальном столике пульт от телевизора, перемотанный изолентой. Потыкала в кнопки.

– ...итак, вам выпал сектор «Приз»! Что вы выбираете?

– Я выбираю приз.

– Отлично! Приз – в студию!

Звук решила не выключать, как делала обычно. Звуки шоу наполняли ее жилище атмосферой, прекрасно подходившей для того, чтобы чувствовать себя душой. «Тренируйся, – велела себе Кира. – Вживайся в роль».

Под вопли идиотического восторга, которыми немолодой, но обаятельный шоумен заводил гостей, отправилась мыть руки. Крутанула кран – ручка сделала холостой оборот и прокрутилась на сорванной резьбе.

«Вот еще этого не хватало... Надо вызывать сантехника... Только не сегодня!»

Вытерла руки вафельным полотенцем. Посмотрела на себя в зеркало. Мутноватое, с облупившимися краями стекло, отразило бледное лицо, небрежно подколотые волосы, бог весть откуда взявшееся пятно помады на шее, дешевую турецкую кофточку, под которой угадывалась небольшая для ее роста грудь... Не красавица. Хотя кожа гладкая, черты лица правильные, без изъяна, но все какое-то «чуть-чуть не то». Чуть больше необходимого приподняты к вискам края глаза, нос – длинноват, рот крупноват, лоб высоковат...

«По отдельности все хорошо, а в результате – серая мышка, без всяких перспектив...», – подумала Кира и грустно усмехнулась, закрывая за собой дверь совмещенного санузла.

В телевизоре продолжал бесноваться ведущий:

– Я даю вам десять тысяч рублей!

– Приз.

– Пятьдесят! Пятьдесят тысяч рублей и мы не открываем этот ящик!!!

– Приз!

– Бери деньги! – вслух сказала Кира из кухни, явно изображая любительницу поболтать с телевизором, и с силой дернула ручку холодильника. Холодильник времен маминой молодости гудел тяжело, с перерывами, словно запыхавшийся толстячок. Внутри выросли ледяные торосы.

«Надо бы разморозить. Но не сейчас. Завтра».

Пошарила взглядом по полкам. Черт, совсем забыла, что последняя сосиска была сварена на завтрак. Запаянный в прозрачный контейнер салат с пожухлыми капустными листьями – вот все, что можно еще назвать съедобным. Куплен дня три назад в супермаркете по неведомой причине – скорей всего прельстила дешевизна, и дожил до сегодняшнего дня лишь потому, что уж очень неаппетитно выглядел.

Вздохнула. Прихватила вилку, вернулась в комнату.

– Я давал вам сто тысяч рублей, но вы выбрали приз?

– Да...

– Что ж, выбор сделан! Итак...

Черный ящик перевернули, и еще потрясли – на размеченный секторами барабан перед игроком выпал серпик банана. Зал разочарованно загудел. Поникший игрок, криво улыбаясь, изо всех сил старался держать лицо.

Но чувствовалось, что как только камера отъедет от него, хлипкий мужичонка даст волю слезам.

– Говорила я тебе, дурак, деньги бери! – поспешила прокомментировать Кира, вживаясь в роль. – Взрослый человек, а веришь в сюрпризы из черного ящика!

* * *

Месяц бухгалтерия жила предвкушением Кириногo отпуска – даже Наташкины проблемы с Сергуней, уволенным с хорошей работы за мелкое воровство и от расстройства чувств запившим по-черному, были отодвинуты на задний план, на что она заметно обижалась. Женщины пичкали Киру советами, каждая в своем роде, и нечего было надеяться на то, что ко времени отпуска про ее фантазию о Лазурном Береге они забудут.

– Если у тебя есть какие-то сбережения, не трогай, и мужику своему о них не говори, – наставляла Татьяна Витальевна, громко щелкая клавишами допотопного калькулятора. – Мало ли у девушки может быть желаний, в Ницце в этой. Не все же у своего-то просить. Переведи деньги в доллары... или что у них там... и положи на карточку, чтоб в дороге не украли. Карточку легко в лифчик запрятать, а можно к трусикам карман изнутри пришить, как мы в свое время делали...

– Курорт курортом, а свитерок какой-нибудь захвати, – говорила Алена. – Я в Википедии прочитала: климат там хоть и субтропический, но случаются сильные ветры. Французы эти – они ж натуры поэтические, даже названия своим ветрам дали. Красивые: «мистраль», «сирокко», «леванте»...

– Задолбала ты своим умствованием! – перебила Наташка. – Нет там никаких твоих дурацких ветров!

Но Алена не обратила на нее внимания.

– Кстати, Кирка, у тебя какой размер?

– Сорок четыре – сорок шесть. А что?

– А обувь?

– Тридцать восемь. А в чем дело?

– В универмаг возле меня халаты пляжные привезли, немецкие. И туфли на низком каблуке, в путешествии очень понадобятся...

– Да не слушай ты ее! – активно подключилась к разговору Наташка. – Это индийское барахло, нитки наружу торчат. Вот в Тихвертоле действительно кайфовые купальники появились! Я вчера пощупала – настоящий германский эластик, не Китай какой-нибудь! Трусики сзади вот так, – она продемонстрировала на своем модельном бедре. – Один шнурок, а по верху страски, миленькие такие... Нагни своего, пусть прикупит!

Кира всех выслушивала, отвечала что-нибудь вежливо-неопределенное, и думала о своем.

«Теперь, если через две недели не вернусь в эту трижды проклятую контору с морским загаром и пропахшими морской солью волосами, не предъявлю им фотографии со всем этим гламурным ассортиментом: яхта, море, пальмы, песок, и главное – ох – главное, мускулистый мачо, как его там? – богатый, красивый, влюбленный... буду опозорена на всю оставшуюся жизнь», – думала Кира и ее одолевала тоска.

И вот наконец этот день настал. День отпуска – никогда еще не встречала его Кира в такой растерянности и мрачном расположении духа.

Утром она оформила самой себе ведомость на получение отпускных: за все про все, с премиями и прогрессивкой ей полагалось тридцать тысяч полновесных российских рублей. В обед сбегала в магазин и в сосисочную, благо они располагались под боком, выставила на стол королевское угощение – хот-доги, шоколадные конфеты в красивой коробке, две бутылки «Цимлянского игристого»... Не «Вдова Клико», конечно, но тоже вкусно, а главное – шикарно и празднично: девчонки-то в бухгалтерии не избалованы... Кроме, пожалуй, Наташки. Да и Алена тоже не такая простая, как кажется, судя по ее специфическим познаниям – надо же, лубриканты знает... Кира посмотрела в инете что это такое...

Посидели хорошо, а вечером, сопровождаемая пожеланиями хорошего отдыха и последними напутствиями, Кира спустилась по выщербленной лестнице, и отправилась домой, в Южный микрорайон, погружаясь в состояние, близкое к анабиозу.

Вариант остаться дома и загорать на донских пляжах был не без колебаний отброшен: Тиходонск, конечно, большой, но и закон подлости никто не отменял. А ну как попадетсЯ на глаза кому-нибудь из коллег или знакомых?! А приобрести заггар вне города с минимальными потерями для своего бюджета Кира могла только одним способом: побросать в старую дорожную сумку вещички, доехать электричкой до Степнянска, потом долго трястись на попутке, вздымающей колесами клубы сухой июльской пыли. До тех пор пока впереди не появятся покосившиеся крыши Изобильной, бывшей Голодаевки – нищей деревеньки, где никогда не было ни канализации, ни газа, ни водопровода, а для летних купаний местные жители использовали мутные воды мелкой речки.

Тетя Шура, младшая мамина сестра, по-своему, возможно, будет рада племяннице. Во всяком случае, примет. Но большого гостеприимства – а уж тем более комфорта – ждать не приходится. У тети Шуры трое сыновей-переростков, хулиганистых и хамоватых, вечно пьяный муж ЛенЬка и двенадцать соток огорода. В доме, как всегда, будет пахнуть кислым и затхлым, ЛенЬка с утра затеет похмельный скандал, тетя Шура упрет руки в бока, сыновья-хулиганы, вытащив паклю из просторных щелей насквозь прогнивших простенков старого дома, станут подглядывать за Кирой день и ночь.

«Соврала – вот за это и мучайся, – корила она себя. – Будешь теперь на огороде пластаться. Поясница на третий день отвалится, грязь из-под ногтей придется выковыривать неделю. Загар вам, девушка, конечно, обеспечен. Но что делать со следами от комариных укусов? Да и заггар поддельный: не золотистый морской, а грубый, коричневый – речной. И фоток не будет. Разве с огорода, на фоне дощатого сортира...»

Автобус остановился на конечной. Кира выбралась в вечернюю духоту родного микрорайона. Домой. Хорошо, что у нее есть хотя бы это – дом.

Никогда прежде она не позволяла себе идти от остановки до дома так неспешно, едва переставляя ноги. Всегда спешила, почти бежала, обходя стайки вызывающе-шумных подростков или качающихся пьяных. У шеренги гаражей-ракушек, за которыми любила пировать местная гопота, привычно поднимала взгляд и высматривала под самой крышей, на пятом этаже блочной пятиэтажки, светящееся окно. Когда-то мать ждала ее с первого курса Академии, стоя

у этого окна в своем домашнем виде: маленькая головка с седым облачком волос, изможденно опущенные плечи под неизменным потертым халатиком с полуоторванными рюшами.

Впереди завиднелись гаражи, сейчас завернет за угол универсама и войдет в свой двор. Кира замедлила шаг. Хотелось оттянуть тот момент, когда снова войдет в пустую темную квартиру, включит машинально телевизор – мелькающие на экране страсти создавали хоть какую-то видимость жизни.

* * *

Тяжелый, мрачный, отвратительно скрежещущий товарняк, с такими же тяжелыми и мрачными воспоминаниями, выныривал из темного тоннеля памяти неожиданно и бессистемно. Отец внешне не проявлял горя по поводу смерти матери. Он вообще вернулся из Африки замкнутым, и держал свои чувства внутри. Хотя отдал супруге последние почести: два месяца возился на кладбище – самолично залил фундамент и сделал основание для памятника, облагородил мраморной крошкой, заказал и установил мраморную плиту с фотографией, на которой Софья Андреевна имела бодрый вид бойца революции, победившего всех классовых врагов и идеологических противников.

Домой он не вернулся – так и остался жить на даче. Объяснял довольно туманно:

– Да что я буду тебе мешать? Мусорю, плохо сплю, табаком воняю, храплю, как медведь. Двоим там не развернуться, а тебе личную жизнь надо устраивать. Да и привык я на природе, да на просторе. Опять же, за дачей постоянный присмотр нужен по нынешним временам...

И перестал приходить, даже на Новый год. И ее от визитов в поселок «Фруктовый» отговаривал:

– Не лень тебе таскаться с пересадками, в автобусе давиться? Чего ты там не видела, в моем скворечнике?

Что-то подсказывало Кире: это отговорки, существует какая-то веская причина. Она предположила наличие женщины в жизни отца и оставила его в покое. Встречались в кафе – каждый раз почему-то в новом, иногда в кино ходили.

А потом отца убили. Его ужасная смерть прояснила: не было никакой женщины. А что было, не сумели разузнать ни оперативники, ни следователи, ни кто-то там еще. Темная история!

Грабители заявили на дачу ночью, около половины четвертого. Не меньше трех человек. Вскрыли дверь. Сон у Дмитрия Евгеньевича действительно оказался чуткий – успел схватить карабин («Спал он с ним, что ли?» – удивлялся следователь Лапкин) и даже дважды выстрелил, но почему-то ни в кого не попал. Ему же выпущенная в упор пуля угодила в висок. Нападающие перевернули дачный домик вверх дном. Вспороли обивку старого дивана, вытряхнули из банок запасы круп и кофе, вскрыли полы, перевернули все в сарае.

Тот, кто застрелил отца – широкоскулый громила со сломанным носом и стрижкой «бобрик», остался лежать с ТТ в руке на пороге, с близкого расстояния убитый в висок из другого пистолета, на месте преступления не обнаруженного. Он оказался известным полиции уголовником по кличке Еж и находился во всероссийском розыске. Фото Ежа Лапкин показал Кире, но она его, естественно, не опознала, так как никогда не видела.

За всем оружием тянулся криминальный след: ТТ, зажатый в руке убитого грабителя, был похищен во время недавнего нападения на инкассаторов в Курске, а ПМ, из которого был застрелен сам Еж, прибыл на место преступления из Сочи и принадлежал некогда пропавшему без вести армейскому майору.

Сухая информация протоколов и экспертиз впечаталась в Киру со всеми мучительными для нее подробностями. И хотела бы – не смогла от них укрыться. Допросили ее раз десять, так цепко и въедливо, будто она была главным подозреваемым. Молодой, немногим старше

Киры, Лапкин, носивший очки с толстенькими стеклами, изо всех сил старался выглядеть строгим и солидным. Хмурил брови, басил и с таким усердием расправлял плечи, что погоны старшего лейтенанта Следственного Комитета упирались уголками в спинку массивного офисного кресла.

– В интересах следствия, Кира Дмитриевна, необходимо еще раз уточнить ваши показания, – говорил он, прижимая к переносице массивную, норовящую сползти оправу.

И задавал снова и снова одни и те же вопросы – с кем отец встречался, о ком рассказывал, не имел ли врагов, не состоял ли в конфликте с кем-нибудь из соседей...

– Что, по-вашему, могли искать нападавшие? – Этот вопрос старший лейтенант Лапкин задавал с особенным напором, и каждый раз так внимательно всматривался в лицо Киры, что глаза его, казалось, заполняли линзы очков целиком и полностью.

Вопросы эти, по мнению потерявшей отца дочери, были совершенно формальны и истекали от полной беспомощности возглавляемого Лапкиным следствия. Допрашивал он и соседей. Но что могли они рассказать о бывшем геологе, который был равнодушен к дворовым посиделкам за домино и пивом, к тому же значительную часть жизни провел вне дома.

Впрочем, Лапкин хоть и ходил по кругу, и строгость на себя нагонял без меры, острого протеста у Киры не вызывал. Работал, как умел. Безрезультатно – но работал. Да и то сказать, что он мог? Никаких зацепок ни на даче, ни в квартире не обнаружилось. Мотивы преступления – если было оно умышленным, и нападавшие пришли затем, чтобы убить – так и остались невыясненными.

– В конце концов, – сказал Лапкин на последнем допросе, смущенно глядя мимо Киры и забыв поправить очки. – Могло быть случайное стечение обстоятельств. Когда шли, думали, что дача пустая. В перестрелке своего застрелили. Потом решили поискать что-нибудь ценное. Ну, или это кто-то после них случайно туда попал. Труболет какой-нибудь, обычный дачный вор. Отсиделся, пока нападавшие ушли, потом пытался пожить и перевернул все в доме...

И Кира готова была согласиться с лейтенантом, списать все на трагическую случайность – если бы не случилось в ее квартире того странного обыска. Собственно, тогда она еще никакой странности не заметила, ибо к обыскам не привыкла, и по каким признакам они подразделяются на «странные» и «нормальные» не знала. Примерно через месяц после убийства пришли ранним утром люди в строгих костюмах, показали бумажку на плохой бумаге, с размашистой подписью, с печатью. Старший – очень вежливый майор Буров в полицейской форме – сказал, деликатно заведя руки за спину:

– У нас, Кира Дмитриевна, появились первые проблески в расследовании. Есть сведения, что в квартире спрятаны предметы, которые помогут нам выйти на след преступников. Вы уж потерпите.

Нежданные визитеры перетрусили квартиру метр за метром, будто через сито просеяли. Каждую книжку, оставшуюся после распродаж Софьи Андреевны, пролистали. Каждую кастрюлю вынули из кухонных шкафов. Заглянули в бачок унитаза и дочиста выпотрошили антресоль.

Майор действия своих подчиненных сопровождал сочувственными вздохами и успокоительными фразами:

– В интересах следствия часто приходится мириться с некоторыми неудобствами...

В магазин за хлебом не выпустил – отправил одного из своих.

Они ушли ближе к вечеру, разобрав квартиру на молекулы. Кира возвращала ей жилой вид все выходные. Невольно замирала над вещами, которые помнила с детства, над фотоальбомами. Плакала, всматривалась в лица молодых улыбчивых родителей. И не могла понять: откуда у визитеров появились сведения, если источниками этих сведений могли быть, только покойный отец или она сама?

А через два дня снова явился Лапкин. Пожалел Киру, не стал вызывать в Комитет, решил лично произвести финальные формальности.

– А этот тип вам известен? – Он выложил на стол фотографию небритого мужчины в клетчатой шведке, раскинувшегося между кустами на примятой траве.

– Нет, откуда? – она прижала руки к груди. – Кто это?!

– Опасный бандит – Худой, – пояснил следователь. – Застрелен из того же пистолета, что и Еж. И из той же компании. Нашли за городом после убийства Дмитрия Евгеньевича.

– А кто же его...

Лапкин вздохнул.

– Похоже, вот этот – рецидивист Волчара, – он добавил фотографию еще одного трупа, лежащего на асфальтовой дорожке возле скамейки. – Он в Москве последнее время африканских студентов крышевал, которые наркотиками торгуют. И умер там же, в парке...

– А его кто?!

– Неизвестно. Может, и сам помер. Причина смерти не установлена. Подозревали отравление, но если и так, то каким-то неизвестным ядом... Короче, не нашли доказательств...

– Не может всего этого быть! – убежденно сказала Кира. – Такое только в кино показывают... «Принцип домино» видели?

– Нет, – покачал головой следователь, складывая фотографии в папку.

– Там свидетелей убирали, одного за другим... Но за этим стояло политическое убийство и мафия... А при чем здесь отец?!

Лапкин кивнул.

– Вполне может быть – это водоворот трагических случайностей. Все уголовники друг друга знают, у них свои дела, свои разборки... Сегодня вместе дело сделали, завтра разбежались, послезавтра с другими пересеклись, заспорили, пострелялись-порезались... И получается, что причина всего этого не одна, а три, или четыре... Как тут разберешься?

– Так это же и есть ваше дело! – перебила Кира. – Вы же и должны разбираться! А вы меня десять раз расспрашиваете, с обысками приходите...

– С какими обысками? – следователь насторожился и отложил папку. – Кто приходил?

– Майор полиции Буров, и с ним еще трое... – Кира рассказала о происшедшем в подробностях.

– Странно! – Лапкин озабочился. – Я об этом ничего не знаю...

Кира изрядно удивилась, пожала плечами.

– А я тем более! Какая-то неразбериха у вас там, в вашем следствии. Кто там у вас ордера на обыск выписывает? Вот у того и поинтересуйтесь!

– Постановления, – задумчиво поправил Лапкин. – Раз я веду расследование, то и все документы выписываю я. А суд дает санкцию! Ну, ладно, я все выясню...

На следующий день Лапкин позвонил ей на работу и сказал, что ни в прокуратуре, ни в суде об обыске в ее квартире ничего не знают. А никакого Букова в тиходонской системе уголовной юстиции вообще нет!

У Киры заглодело под ложечкой. Недоумение сменил нешуточный страх.

– Получается... – сказала она в трубку полувопросительно. – Получается, что это преступники приходили?

Она надеялась, что Лапкин скажет что-то успокаивающее, но напрасно.

– Получается, – глухо согласился следователь, и в голосе его больше не звучало нарочитой солидности. – Не думаю, что вам угрожает опасность... Но все же некоторое время соблюдайте осторожность.

Кира отпросилась с работы, в соседнем хозяйственном купила самый дорогой замок и бутылку для дяди Коли с третьего этажа, промышлявшего мелким ремонтом за незначительный магарыч, тот без лишних вопросов врезал замок и укрепил дверь. А еще через несколько

дней возле подъезда ее дождался по-настоящему солидный, крепко сбитый мужчина в штатском костюме с легкой сединой на висках и в аккуратно подстриженных усах. В предъявленном им удостоверении значилось, что подполковник Ванеев В. К. – начальник отделения краевого уголовного розыска. Но, наученная горьким опытом Кира, теперь не спешила доверять полицейским документам.

– Тут у меня самозванцы недавно обыск делали, так они тоже официальные бумаги показывали!

– Знаю эту историю и понимаю ваши сомнения, – кивнул Ванеев. – Если вам будет спокойней, мы можем присесть вон там. – Он указал на дворовую беседку, обычно оккупированную любителями домино и пива, но сейчас, к удивлению Киры, пустовавшую.

На обшарпанном, с вьезшейся рыбьей чешуей столе, подполковник разложил с десяток фотографий.

– Посмотрите внимательно. Здесь мошенники, устраивающие «разгоны» – самочинные обыски. Обычно они приходят к заведомо богатым и нечистым на руку людям. Но, может быть, вы кого-то узнаете...

– А я что, богата? Или нечиста на руку?!

– Нет, конечно! Просто, есть определенный порядок...

Среди множества угрюмых лиц Кира распознала вежливого «майора Бурова». Правда, на фотографиях он был совсем другой – серьезный и явно не склонный к доброжелательным разговорам. Да и черты лица не вполне совпадали – может он, а может, и не он.

– Вот... Кажется, он... Только у того нос был шире, и подбородок другой. Да и вообще, эти люди не были похожи на квартирных мошенников. Они держались так строго, официально и говорили правильным языком, без уголовных словечек...

Ванеев пожал плечами.

– Впечатления бывают обманчивыми. Как раз такие дела – его амплуа. У него своя «бригада», специализирующаяся на «разгонах». И держатся они соответственно, иначе бы ничего у них не выходило.

И, помолчав, повторил слова следователя Лапкина:

– Вряд ли вам угрожает опасность. Но на всякий случай, некоторое время избегайте людных мест. Мало ли что...

И без того напуганная Кира после этого впала в глубокую депрессию. Похудела, заработала бессонницу. Невропатолог в районной поликлинике выписал успокоительное лекарство, после которого Кира ходила с тяжелой и гулкой, будто с похмелья, головой. Но сон вернулся, а со временем прошла и паранойя, заставлявшая ее озираться на каждом шагу и переживать приступы удушья, когда возле нее останавливалась машина или незнакомец входил с нею в лифт.

Среди соседей в ту пору ходили, обрастая экзотическими деталями, сплетни – дескать, семейка перешла дорогу госструктурам. Отец Киры стал американским шпионом, за что его ликвидировали спецслужбы, инсценировав ограбление. Мать, согласно версии коллективного соседского разума, убили ему в острастку, но он не внял, не покался, а потому отправился следом за ней. Хотели и Кирку убить, но времена нынче гуманные, пожалели...

Кира заказала поминальный молебен и сходила на кладбище. Родители лежали рядом. Софья Андреевна и с могильной плиты смотрела холодно, отвернувшись от Дмитрия Евгеньевича – как бы говоря: «С предателями дела не имею».

Глава 2

Неожиданное знакомство

Тиходонск, наши дни

Случайная встреча – самая неслучайная вещь на свете

Она, всего-навсего, вышла за молоком. Отрешенная, казалось, в своей тяжелой задумчивости от реального мира напрочь, Кира вдруг поймала себя на том, что рассматривает незнакомку, медленно удаляющуюся от нее по разбитому тротуару. Взгляд зацепился за нее непроизвольно – было в ней резкое, бросающееся в глаза несоответствие окружающему ландшафту. Так, наверное, овладевают вниманием окружающих принцессы крови, которые в силу каких-нибудь передраг перенеслись из своего дворца в слякотное предместье. Элегантное светлое платье, дорогие вишневые «шпильки», аккуратная сумочка в цвет, прическа, являвшая ту простоту и точность линий, в которых угадывалось отточенное мастерство парикмахерского искусства, – все это было не отсюда, попало сюда случайно и наверняка ненадолго. Неуверенный сбивчивый шаг мог говорить о том, что принцесса заблудилась и пытается вернуться в свой мир. Кира собралась было догнать ее, предложить помощь. Но тут аккуратная вишневая сумочка в цвет туфель неудачно качнулась, чуть не выпав из рук. Но не выпала. Зато змейка оказалась расстегнутой, и на шербатый асфальт вывалилось такое же вишневое, в цвет сумке, портмоне. Кире показалось, что в ту же секунду в узком проходе между гаражами обозначилось хищное движение. Незнакомка тем временем модельной походкой шла дальше, к какой-то своей неведомой цели.

– Погодите! – позвала Кира. – Вы уронили!

Ноги уже несли ее вдогонку. Она подбежала как раз вовремя: поднимая пухлый увесистый портмоне, краем глаза ухватила злобный взгляд, прилетевший от ржавых железных коробок.

– Тупая овца! – слышалось за спиной.

– Женщина, подождите! – не обращая внимания, крикнула Кира.

Незнакомка повернулась, встречая ее приветливой улыбкой. Ей было лет тридцать, может, чуть больше.

– Вот, у вас выпало, – сказала Кира, протягивая портмоне.

– Ой, – улыбка сделалась смущенной. – Вечно я сумки забываю закрывать, прям беда!

В серебристом голоске чувствовался легкий приятный акцент. Может, она из Прибалтики? Или вообще с другой планеты? Кире стало стыдно – она так вульгарно кричала: «Женщина!» А ведь это никакая не «женщина», не «баба», не «телка» и не «гражданка» – это дама, которой подходит лишь соответствующее обращение: сударыня, синьора, мадам...

Незнакомка бережно приняла потерю.

– Спасибо огромное. Вы моя спасительница.

Застежка портмоне как будто сама собой расстегнулась, перед Кирой мелькнула толстенькая пачка купюр. «Евро!» – отметила Кира и улыбнулась в ответ:

– Не за что.

Портмоне вернулось в сумку, молния энергично вжикнула.

– Я Диана, – представилась дама, чуть склонив голову.

– Кира, – она непроизвольно повторила этот жест.

– Не знаю, как вас благодарить, – вздохнула Диана, и с милой непосредственностью пустилась в объяснения:

– Приезжала к родственнице, тут недалеко. Вышла, машина не открывается, батарейки в брелке сели. Вот, – она качнула округлым пультом автомобильной сигнализации, – хожу, ищу

магазин, не нахожу. И тут вот еще это. Спасибо вам! – принялась она благодарить с еще большим воодушевлением. – Спасли мою будущую обстановку в новой гостиной! Это все дурацкое пристрастие к наличности!

Она тепло посмотрела Кире в глаза. Кира давно бы ушла, обронив обычное: «Не за что». Но от женщины в светлом платье исходило столько обаяния, столько было изящества в ее мимике и собранных, но темпераментных жестах, что хотелось продлить этот миг случайного приобщения к другому миру, в котором главный труд женщины – быть красивой, где не приходится выбирать между покупкой туфель и убогим отпуском в Изобильной.

– Позвольте мне в ресторан вас пригласить, – сказала Диана. – Я все равно собиралась, составите мне компанию. Поужинаем.

Предложение испугало Киру – она представила, как будет смотреться возле этой шикарной дамы в своей одежде с Темерницкого рынка.

– Не стоит благодарности, – кивнула она, вдохнув напоследок запах ее духов, и развернулась было уходить.

– Ой, – Диана деликатно дотронулась до ее локтя. – А вы не покажете, где тут все-таки батарейки купить? Я ж без них не уеду...

Кира не спешила возвращаться в пустую квартиру, к телевизору и разогретой гречке. Наоборот, с новой знакомой никак не хотелось расставаться.

– Идемте в торговый центр, – кивнула она. – Продовольственный тут рядом, но батареек там не бывает.

Они обогнули длинную девятиэтажку, вышли через арку на главную улицу Южного микрорайона, прошли два квартала и, сквозь вертящуюся дверь вошли в новое двадцатиэтажное здание из синеватого тонированного стекла. Это был недавно построенный бизнес-центр «Звезда Тиходонска»: крупнейший торговый зал, гостиница, офисы... Кира здесь еще не была и с интересом осматривалась в огромном, высоком, холле: пальмы в огромных кадках, люди на движущихся вверх эскалаторах, небольшая толпа у лифтов с узорчатыми, блестящими хромом дверцами, кондиционированная прохлада... Весь первый этаж, занимали ряды павильонов: салоны мобильной связи, сотовые операторы, фастфуд, страхование автомобилей, кофе-экспресс... Множество секций еще были свободны – на них висели до боли знакомые таблички «аренда».

– Как у нас, на «Картонке», – вырвалось у Киры. – Только здесь пристойней. И тоже ищут арендаторов...

– Что? – спросила Диана. – На какой картонке?

– Да нет, ничего, – Кира смутилась. – Так, ерунда.

Между фастфудом и кофе-экспрессом павильон еще был не оформлен, но на нем уже висел плакат «Выгодная лотерея», а за прилавком сидела бойкая молодая продавщица.

– *Все без обмана! Лотерея государственная, все равно, что от царя-батюшки дарственная!* – весело тараторила она, вплетая в свою речь рифмованные кричалки. – В пользу диких животных лотерея. Выигрыш проверяем на месте, она моментальная. Внимание, на кону миллион рублей! *Не упустите своего счастья, скорей скажите ему «здрассте»!*

У молодухи был красивый бархатистый голос, даже лубочные агитки в ее исполнении радовали слух. Диана остановилась и, слегка загоразивая Кире дорогу, сказала:

– Если вы отказываетесь от ужина, позвольте вам купить лотерейный билет. Всего-то!

«...итак, вам выпал сектор «Приз»! Что вы выбираете?», – мысленно сыронизировала Кира. И, неожиданно для самой себя, пожала плечами:

– Ну, давайте. Дикие животные – моя давняя страсть! – а про себя подумала: «Раз уж так важно человеку... так принципиально... Пусть – деньги-то небольшие...»

– Вот и прекрасно! – обрадовалась Диана. – Давайте, берите своей рукой. Эта же ваша удача, как-никак!

– Да-да, – ответила Кира, и шагнула к прилавку, чтобы поскорее покончить с этой неловкостью. Из разложенных веером конвертов, вытащила первый попавшийся. Чувствуя себя полной дурой, проверять билет на месте она не стала: хватит и того, что согласилась вступить в клуб покупателей лотерей – это все равно, что получить сертификат на звание простофили.

– Смелей, девушка, вскрывайте! – подмигнула продавщица. Похоже, они с Кирой были ровесницами. – Выигрыш можно получить сразу, на пятом этаже, офис пятьсот двадцать пятый.

– Спасибо, – буркнула Кира. – Дома проверю.

Сунула пестрый, переливающийся серебристыми бликами прямоугольник в сумку и направилась к эскалаторам. Диана поспешила следом. В огромном торговом зале на втором этаже было все, что только может душа пожелать. Даже больше. Они бродили по залу около часа. Кира рассматривала купальники по тридцать тысяч за штуку, туфли по пятьдесят тысяч, маечки и джинсовые шорты по тридцатнику... Рита особого интереса ни к чему не проявляла – походила, посмотрела, купила батарейки. Кира тоже спустилась с небес на землю: взяла молока, яиц, зубную пасту, спички. Потом душевно распрощались:

– Приятно было познакомиться. Еще раз спасибо.

– Взаимно. И вам спасибо за лотерейку.

Как только Кира переступила порог своей квартиры, ощутила давящую, удушающую усталость. Повесила сумку на вешалку, прибрала лоток с яйцами в холодильник, поплелась в ванную. Глянула в зеркало – нахмурилась и отвернулась. Кран снова дал осечку.

«А... Сантехник! Забыла опять. Завтра». Ее разобрала зевота.

Зайдя на кухню, стояла какое-то время возле плиты, глядя на нее бессмысленным взглядом.

«Ну да, спички закончились. Спички в сумке».

Вышла в прихожую, вынула упакованные в брикет спичечные коробки. Пальцы машинально прихватили конверт с лотерейкой. По дороге на кухню разглядела серебристый прямоугольник. «Купив билет, вы внесли вклад в дело сохранения уссурийских тигров!» – сообщила надпись у верхнего края.

– Чудесно! Хоть уссурийским тиграм от меня польза-а-а-а, – челюсть вывернул очередной зевок.

Конверт упал на засыпанный крошками стол. Зевая, поставила чайник. Шлепнулась на кухонный табурет. Обвела взглядом обшарпанную кухню. Определенно надо делать ремонт, хотя бы косметический, невозможно дальше так.

«Сразу же, как только вернусь от тети Шуры, – пообещала она себе. – Что-нибудь придумаю».

Помотала головой. Похлопала глазами. Вскрыла конверт, извлекла прямоугольник из плотной бумаги. Лениво взяла чайную ложку, принялась счищать серебристую полоску, под которой, если верить набранному ниже шрифту, мог скрываться один из «35 000 призов – майки, банданы, футболки, фотоаппарат». Но ни майки, ни фотоаппарата она не выиграла.

Сначала Кира просто не поверила тому, что прочиталось под соскобленным защитным слоем. Перечитала. И еще раз – теперь по слогам. Встала. Не выпуская билета из рук, подошла к окну, повернулась против света.

Ошибка? Нет. Если это только не чья-то дурная шутка.

«ВАШ ВЫИГРЫШ – 1 000 000 РУБЛЕЙ. ПОЗДРАВЛЯЕМ! ВАМ ДОСТАЛСЯ ГЛАВНЫЙ ПРИЗ!» – кричала оттиснутая на желто-синей бумажке удача...

Кира пересчитала нули и схватилась за подоконник, чтобы не упасть.

Миллион! Она выиграла миллион!

Так не бывает. Или бывает? «Бывает!» – утверждал лотерейный билет. Он лежал на столе, придавленный сахарницей – как будто из опасения, что решит улететь от Киры в приоткрытую форточку к более достойной кандидатуре. Например, к Наташке...

Миллион! За все время работы ведущим специалистом в бухгалтерии она видела такие суммы только на своем стареньком калькуляторе и в отчетах! Даже в руках подержать такую сумму никогда не случилось.

Миллион!!!

Ощущение реальности возвращалось медленно, по частям.

«Очень вовремя, – сказала себе Кира и тут же поправила. – То есть, конечно, деньги никогда не бывают *не* вовремя. Но именно тебе они нужны как никому. Одним разом можно закрыть все дыры. Сделать ремонт. Купить новый телевизор. И холодильник! Смеситель в ванную, самый дорогой, чтобы не ломался уже никогда. И обновить гардероб. Туфли! Много туфель. И зимнее пальто. Шубу!».

Ночью Кира почти не спала. Ворочалась, вздыхала, тратила мысленно свой миллионный выигрыш. Под утро провалилась ненадолго в тревожный сон, в котором ей нужно было протаскивать неподъемный ворох набитых покупками пакетов через засыпанную осколками витрин улицу, простреливаемую пулеметным огнем невидимого, но беспощадного врага. Подскочила с первыми звуками утра – хлопнувшей дверью подъезда и залихватским лаем соседской болонки.

Пять минут – и она готова к выходу.

Срочно, не теряя ни единой секунды, бежать за миллионом! Впрочем, за каким миллионом? Скорей всего это просто шутка, розыгрыш! И ее ждут скрытые камеры, которые покажут всему миру ее глупое лицо, ее беспредельное разочарование, в общем, сделают из нее полную дуру! Так что, не подставляться, не ходить за выигрышем? Но вдруг никакого розыгрыша тут нет, а она добровольно откажется от такой удачи?! Вот это будет уж настоящая дура! Нет, надо пойти, но сделать умное и безразличное лицо – мол, шутки я понимаю, сама шутить люблю!

В общем, через час она отправилась в «Звезду Тиходонска». На всякий случай билет спрятала в бюстгалтер, а в сумочку положила хлебный нож и дорогу выбрала безопасную – в обход гаражей.

Завидев ее, молоденькая продавщица заулыбалась.

– Выиграли? А не верили! Поднимайтесь в пятьсот двадцать пятый!

«Откуда вы знаете, что не верила?» – хотела спросить Кира, но не спросила.

Никаких камер – ни скрытых, ни открытых, нигде не было. Да и ничего, похожего на подвох, тоже не наблюдалось. В пятьсот двадцать пятом офисе приветливая кассирша быстро проверила билет на каком-то приборе и добродушно кивнула:

– Поздравляю! Предпочитаете все деньги сразу наличкой, или перевести на счет?

– Нали... – Кира поперхнулась и выдала петушиную ноту. Пришлось откашляться. – Наличкой!

Кассирша открыла сейф с кодовым замком, вынула две пачки пятидесяти тысяч купюр, положила на стол.

– Пожалуйста. Только распишитесь.

* * *

Из офисного центра Кира вышла с поющей, как соловей, душой.

«Итак, с чего начнем? Ой, мамочки, да на такие деньги я сделаю... сама не знаю, что. Я все могу себе позволить, все, понятно?! – мысленно кричала она, с вызовом поглядывая на прохожих. – Все!»

Главные задачи она помнила: ремонт в квартире, покупка нескольких позарез необходимых вещей – нового холодильника, современного плоского телевизора, и еще – да! – не поме-

шает пылесос и микроволновка... О, она будет очень экономно тратить, она постарается растянуть нежданную радость как можно дольше!

Кира так увлеклась сладостным планированием грядущих покупок, что начала прямо в автобусе, на виду у пассажиров, загибать пальцы. И сама не заметила, как вышла у крупнейшего торгового центра – Тихвертола, расположенного на бывшей территории вертолетного завода, рядом с аквапарком. Как такое могло получиться, ведь направлялась-то она в другой конец города, на рынок Темерник, где всегда одевалась, и где совсем недавно присмотрела недорогие, но крепкие и практичные кожаные туфли на осень, немаркого черного цвета.

Солнце, набравшее полную силу летнего жара, пускало по стеклянным, до блеска отмытым витринам солнечные зайчики. Но внутри было прохладно. Народу немного – здешние цены «кусались». И чего ее сюда занесло? Кира зажмурилась, остановилась возле одного из витражей, глубоко вздохнула. Выдыхала медленно, словно боясь выпустить из себя огромное, расправлявшее ее изнутри счастье. И взгляд ее нащупал собственное отражение. Нахмурившись, она всмотрелась, беспощадно отмечая любой, даже не видимый постороннему глазу изъян, и чувствовала, как портится настроение. Рядом со своими нечеткими контурами она увидела выставленные в витрине портреты удивительных красавиц. Изогнув лебединые шеи, приоткрыв влажные губы, фотодивы с рекламных плакатов смотрели на Киру со снисхождением, которое ранило больней открытого презрения. И каждая из них что-то рекламировала: часы, духи, жемчуга, бриллианты, на худой конец просто прическу и самое себя.

Ничего этого у Киры не было.

– А будет, – упрямо заявила она рекламным красоткам. – Вот увидите. И лабутены ваши – три пары!

Но те только оскорбительно улыбались в ответ. Не верили. Да Кира и сама себе не верила. Зато вспомнила фильм «Красотка» – как героиню отказались обслуживать надменные продавщицы дорогого магазина. Как бы и с ней не обошлись так же... На пересечении широких коридоров увидела вывеску «Версаче» и, отгоняя невеселые мысли, двинулась к ней. Решительно толкнула звякнувшую серебряным колокольчиком дверь.

Продавщицы встретили ее с холодным безразличием. Молоденькая симпатичная брюнетка просканировала вошедшую профессиональным взглядом и, вместо того чтобы предупредительно броситься навстречу, продолжила разговор со своей товаркой, похожей на нее, как сестра-близнец. Наверное, не внушали уважения ее простецкие босоножки, безликая беспородная юбка, и такая же майка с дурацким Микки Маусом на груди. Такие обычно заходят, желая устроить себе *шопинг вприглядку* – хотя бы попримерять то, что никогда не смогут купить. Начальство предписывало от таких посетителей аккуратно и максимально уважительно избавляться. Вежливо показать коллекционные вещи, деликатно обозначить их цены и этим убедить нежелательную посетительницу, что она ошиблась дверью. Но ни в коем случае не грубить: неприятные сцены портят настроение реальным покупателям.

Кира подошла к элегантной бежевой сумочке и принялась рассматривать ее со всех сторон.

– Простите, сколько она стоит?

Брюнетка нехотя прервала беседу и подошла, с дежурной улыбкой, надетой явно для профформы.

– Пять тысяч...

«Не очень дорого», – подумала разбогатевшая Кира, рассматривая бейджик «Ирина» и ощущая мощную покупательную способность двух увесистых денежных пачек.

– ...евро, – закончила брюнетка, и Кира сразу утратив интерес к сумке, осмотрелась по сторонам.

– Что-нибудь конкретное присматриваете? – поинтересовалась Ирина.

– Н-нет, я... – сбивчиво начала Кира, неожиданно смутившись. – Так... вообще...

– Что ж, у нас широкий выбор для людей со вкусом и возможностями. Современная одежда по большей части сковывает движения, неслучайно есть даже такой термин – «застегнутый на все пуговицы», – заученно тараторила брюнетка. – Модельный ряд «Версаче» даст вам ощутить красоту и блаженство настоящей свободы. Минимум пуговиц и застежек, дышащие ткани, гибкие линии, подчеркивающие преимущества вашей фигуры, но оставляющие задел для интриги, полета фантазии. Пик этого сезона – египетские, греческие и римские мотивы. Женщине предлагается не столько одеваться, сколько «облачать свое тело в одежды»...

Одна роскошная вещь за другой проплывала перед Кирой, правда, на достаточном расстоянии, чтобы она не потянулась к ним руками. Ослепшая от многообразия красок и форм Кира любовалась, как любовалась бы картинами в музее, легкими свитерами с глубокими вырезами и свободными линиями рукавов, узкими полупрозрачными платьями с ремнями на бедрах, черными кардиганами с крупным ярким рисунком, шароварами и шарфами...

– Коллекцию, как вы видите, отличает богатая палитра цветов – оранжевый, медный, пурпурный – а также своеобразная текстура: крупная ручная вязка, кисти на шарфах и юбках. Такая одежда смотрится дорого и стоит соответственно, – Ирина выделила главную мысль своего вдохновенного спича. – Это те самые вещи, которые созданы для состоятельных женщин, не привыкших экономить на себе...

В этот момент Кира как раз представляла, в какое оцепенение впали бы Татьяна Витальевна, Аленка – а главное, Наташка, – заявись она на работу в этих потрясающих обновках. Кстати, мелькнула в голове предательская мысль, а ведь можно будет соврать, что все это – подарки того самого ухажера, который красивый и богатый одновременно!

Эта мысль потянула за собой другую, гораздо менее приятную. А ведь загар, и красочные фото, которых от нее ждут, не купишь даже в солярии! Образ тети-Шуриного огорода навис над ней, как смертный приговор.

– А вот... Что это? – спросила она вдруг. И указала на манекен, стоящий на значительном отдалении от штанги с вещами «на каждый день». Манекен утопал в чем-то волшебном, манящем, жемчужно-сером – в голове у Киры зазвучали венские вальсы, пахло дуновением морского ветерка...

– Это? – удивилась брюнетка, заметно убавив приветливости в голосе. – Но это же вечернее платье, туалет для светских раутов и приемов. Натуральный шелк, настоящие провансальские кружева, лиф отделан камнями от Сваровски... Очень дорого, – она выдержала паузу. – Интересуетесь?

«Да что б ее... Ничего не захочешь, когда вопросы задаются таким тоном. Может, ей деньги показать? Но это же глупо...» – подумала Кира. Фильм «Красотка» повторялся в реальной жизни. Незадачливой покупательнице из кино тоже удалось приобрести одежду только с чужой помощью...

– Интересуемся, – услышала Кира у себя за спиной голос, который тут же узнала и, радостно вздрогнув, обернулась. Да, это была Диана. Элегантная, уверенная, она чувствовала себя в этой обстановке дорогой роскоши как рыба в воде.

– Надеюсь, мировая скидка для сети «Версаче» у вас действует? – Она повертела между тонкими пальцами пластиковую карту золотого цвета.

– Да, конечно! – Продавщица поспешно кивнула, быстро сменив выражение отстраненности на абсолютную готовность выполнить любой каприз платежеспособного клиента, от которого исходит всегда безошибочно распознаваемое сияние VIP-статуса и неподдельного лакшери.

От нахлынувшей радости Кира заулыбалась широко и лучезарно. Будто Золушка при встрече с Феей. Какое удачное стечение обстоятельств! Похоже, в ее жизни наступает светлая полоса. Вот кто поможет ей открыть дверь в этот мир дорогущей красоты и подлинного шика.

А Кира уже твердо была уверена, что ей непременно нужно туда – хотя бы ненадолго... Хотя бы просто пройти по краешку в сказочных лабутенах!

– Рада тебя видеть, – первой заговорила Диана, так естественно, что Кира, которая непросто сходилась с новыми людьми, ответила сходу:

– И я тебя рада видеть!

– Потрясное платье, – сказала Диана. – Сама на него посматривала, но у меня есть похожее.

Они уже были подружками – богатыми, прекрасно устроившимися в жизни, привычно зашедшими в дорогой бутик обновить гардероб к новому сезону.

– Будете мерить? – поинтересовалась продавщица.

«Эй! Куда ты его надевать собираешься? Оно же стоит тыщ сто, не меньше!», – окликнул внутренний голос. Но Кира уже шла вслед за Дианой к примерочной, а Ирина делала знак напарнице: мол, помоги снять с манекена, быстренько!

– Уверена, тебе подойдет, – шепнула Диана. И слышать ее было куда приятней, чем внутренний голос.

Что и говорить, в платье от Версаче Кира преобразилась. Исчезла как не бывало некоторая угловатость, выразительней стала грудь – в плавно скатывающемся от ключиц декольте таилась власть приковывать взгляды мужчин, сбивать их с мысли, навевать пикантные фантазии...

– Отлично, – констатировала Диана. – То, что надо.

Кира зачарованно смотрела в зеркало, не в силах оторваться. Но вот взгляд скользнул выше, и очарование мгновенно пропало. Растрепанная, ненакрашенная, с каким-то вороньим гнездом на голове и обветренными губами – она показала себе старухой, примеряющей одежду внучки. Платье явно не подходило к ее лицу. Или лицо к платью.

– Нет, не хочу! – Она принялась остервенело стаскивать с себя чуждый ей наряд для светских раутов.

– Не нужно оно мне! – хмуро бросила она в ответ на недоуменный взгляд Дианы. – Куда в нем ходить? В кино? Или на городской пляж?!

– Может, ты и права, – охотно согласилась Диана. – Давай сейчас купим более практичные вещи, которые тебе понадобятся на каждый день. А потом съездим в салон красоты и подработаем внешность. А вечернее платье ты всегда успеешь купить, если понадобится!

Кира улыбнулась. Новая знакомая – очень чуткая женщина и хороший психолог, она поняла и приняла все ее сомнения. Знакомство с ней – просто подарок судьбы!

Через полчаса они вышли из кондиционированной стерильной прохлады на жаркую пыльную улицу. Кира несла несколько фирменных пакетов, в которых находились новые босоножки, джинсы, легкая толстовка и несколько разноцветных маечек. Благодаря золотой карточке Дианы, все это великолепие обошлось в девяносто тысяч. По меркам бутика «Версаче» – вполне приемлемая сумма, хотя раньше она и подумать не могла о таких тратах. Но, как ни странно, ей все понравилось. И бутик с заоблачными ценами, и возможность тратить запретные, по ее обычным меркам, деньги, и именные вещи, и почтение продавщиц, проводивших их до выхода... И все это благодаря Диане. Как тут не поверить, что добрые поступки возмещаются сторицей?!

– Сейчас поедem в «Афродиту», – сказала Диана, увлеченно рассказывая про шугаринг, шоколадные обертывания и массаж головы, после которого «хоть отдавайся ему на месте»...

Вокруг торгового центра сновало много народу – куда-то спешащего, озабоченного, недовольного. Было весело идти, покачивая волнующе шуршащими пакетами, заботливо отстраняя их от чересчур торопливых прохожих, впитывая каждое слово из лекции о технологиях той самой *dolce vita*, которую видела разве что в кино.

На парковке женщины сели в белый «Лексус», Диана резко взяла с места и уверенно выехала на проспект, умело вписавшись в плотный автомобильный поток. За полчаса они приехали в центр, остановились возле вывески Салон красоты «Афродита», вошли в просторный уютный холл с кожаными креслами и диванами, вазами с цветами, полукруглой стеклянной стойкой, за которой стояла симпатичная девушка в отглаженном белом халате и приветливо улыбалась им навстречу.

– Здравствуйте, Диана! Рада вас видеть!

– Взаимно, Мариночка! – кивнула в ответ Диана. – Я подружку привела! Нам нужно все, – добавила она, оглядывая Киру новым, на этот раз оценивающим взглядом. – Все, что успеем. А что не успеем, завтра доделаем!

Она успокаивающе погладила Киру по плечу.

– Исполним в лучшем виде, – кивнула Мариночка, которая вблизи оказалась старше, чем на первый взгляд. Вылизанным до блеска гладким личиком она напоминала фарфоровую куклу.

– Можешь довериться Марине во всем, она волшебница, – шутливо шепнула Диана, наклонившись к уху Киры. – А я пока отлучусь по делам...

К вечеру, с перерывом на кофе и крохотные пирожные, Кира успела многое – столько всего с ее внешностью не проделывали, пожалуй, за всю ее предыдущую жизнь.

Во-первых, похожий на Пьера Ришара парикмахер покрасил ей волосы в цвет вороньего крыла, подровнял кончики, а также проделал тот самый массаж головы, во время которого Кира с трудом сдерживалась, чтобы не постанывать. Да, Рита не преувеличила. Никогда прежде, даже в постели с мужчинами, точнее, с тем самым приснопамятным первым и последним мужчиной, Кира не переживала такого удовольствия. Во-вторых, маникюрша-педикюрша, с которой они увлекательно поболтали про французское кино и Францию – девушка, как и Кира, оказалась поклонницей фильмов Жан-Пьера Жёне и Франсуа Озона, а в Париже побывала аж трижды – сотворила чудо с ее руками и ногами, причем не только с пальцами и ногтями, но и с пятками, ступнями, щиколотками. В-третьих, под расслабляющую музыку, разглядывая картины подводного мира на огромных экранах, она прошла через процедуру удаления волос всюду, где их следовало удалить молодой аппетитной красавице, покорительнице сердец. Потом ей сделали правильные брови, а завершили процедуры чистка лица и лазерная маска...

Подойдя к зеркалу, Кира поразилась, как поражаются участницы телепередачи «Модный приговор», которых визажисты и стилисты превращают из запущенных домохозяек в изощренных светских львиц. Из гладкого волшебного стекла на нее смотрела красавица брюнетка с распущенными по плечам блестящими волосами. Небольшая челка нейтрализовала излишнюю высоту лба, и нос уже не казался длинным, да и вообще – она превратилась в женщину, недостатки которой автоматически становятся ее достоинствами... Вдохновленная новым обликом, она здесь же переделалась: натянула новые джинсы, надела новые босоножки, прибавившие одиннадцать сантиметров роста, влезла в новую ярко-красную маечку, совпадающую по цвету с маникюром и педикюром.

В это время вернулась Диана, оглядела ее и, одобрительно покачав головой, сказала:

– Я думала, будет блондинка. Но так даже лучше. А вещички от Версаче тебе к лицу!

Реакция Риты окончательно утвердила Киру в пробуждавшейся и приятно щекоктавшей сознание мысли: «А ведь я красива! Неужели, это они меня изменили? Или я и была такой? Впрочем, какая разница!» Впервые она разглядывала свое отражение с удовольствием...

– Ну что, пойдём? – улыбаясь, спросила Диана.

– Конечно!

Из салона «Афродита» вышла Кира, которой утром еще не было на свете. Она спешила отыскать свое отражение в каждой витрине, мимо которой проходила. Оттуда на нее смотрела высокая тонкая девушка, вполне заслуживающая места в ряду рекламных фотомоделей.

Вместо неряшливо подколотых прядей неопределенного мышиного оттенка – густой водопад жгуче-черных волос, вместо прямых широких бровей – кокетливо приподнятые и плавно изогнутые крылья парящей чайки, вместо бледного теста щек – кукольный фарфор, как у менеджера Мариночки. Новое, вызывающее выражение во всегда спокойных, часто полусонных глазах. Чуть тронутые бриллиантовым блеском губы сами собой расползаются в торжествующей улыбке красивой женщины.

Да, красивой! Никакое «чуть» теперь не мешало. Прежние «глаза с косинкой» преобразились в «глаза прекрасной миндалевидной формы», вчера еще просто пухлые губы сегодня стали «чувственными», а длинноватый нос сменился породистым греческим, классической лепки. Может быть, это ей только кажется?

– У тебя прекрасная фигура, – сказала молча наблюдающая за ней Диана. – Стройные ноги, высокий подъем – тебе будут хороши любые туфли!

Значит, не кажется!

– То-то, – сказала Кира воображаемым плакатным красавицам. И, гордо отвернувшись, отправилась к перекрестку, где их дожидался белоснежный комфортабельный «Лексус».

– Может, поужинаем? – предложила Диана. – Неподалеку есть хороший ресторанчик.

На этот раз Кире предложение понравилось. Но она слишком устала – очень много переживаний для одного дня.

– Я с удовольствием, но уже сил нет. Давай завтра пообедаем?

– Давай, – охотно согласилась Диана. У нее был замечательный характер, и с ней хотелось дружить. Очень хотелось.

* * *

Утром, кое-как вымывшись холодной водой, и даже не обращая внимания на неисправный кран, Кира первым делом потянулась к своим прекрасным обновкам. Надела джинсы, босоножки, по очереди перемерила майки, яркий шелк которых нежно ласкал кожу, долго крутилась перед единственным зеркалом в коридоре, где могла разглядеть себя в полный рост. Но высокая стройная красавица совершенно не напоминала обычную Киру. Может, это волшебное зеркало так ее приукрашивает? Или все дело в деньгах? В презренных бумажках, которые ничего не значат по сравнению с честностью, порядочностью, образованностью и другими личностными качествами, которые и являются единственными и неоспоримыми мерилами человеческой ценности? Ведь именно так ее учили всю жизнь – и в школе, и в институте, именно об этом с утра до вечера страстно талдычила Софья Андреевна... А выходит – это совсем не так! Больше того, похоже, что дело обстоит ровно наоборот! Значит, привычные взгляды и оценки надо менять в соответствие с реальностью!

В обшарпанном коридоре старенькой панельки красивая модная девушка под звучащую в душе музыку крутилась в вальсе восторга, и ошибочные иллюзии облетали с нее, и шурша сыпались на пол, как никчемная шелуха. Сейчас она позвонит Диане, они договорятся о встрече и перевернут еще одну красочную страницу открытой вчера судьбой книги прекрасных сказок... Надо только отработать походку – Диана сказала, что модели ставят ступни на одной линии, будто идут по канату. Она протянула по полу нитку и попробовала ровно идти по ней. Левая нога, правая, снова левая, снова правая. В общем-то, ничего сложного, просто надо выработать навык, чтобы это получалось само собой...

Звонок мобильного грубо оторвал Киру от приятных и полезных занятий. Наверное, Диана – надежный проводник в открывающемся перед ней непривычном, но таком притягательном, блистающем мире... Цокая высокими «шпильками», она прошла в комнату и схватила со стола трубку.

– Алло! – Голос прозвучал радостно и упруго, как рвущийся в облака яркий шарик.

Но это была не Диана.

– Кира! Ты еще в России?

– Что? А где еще... А-а-а... Ну да, в России... Пока...

– Ну, хорошо. А то Татьяна Витальевна приходные ордера не может найти. Ты не заешь случайно, где они могут быть?

– В шкафу, на третьей полке. В красной папке, где раньше счета за целлюлозу лежали. Татьяна Витальевна их сама туда убрала, – сказала Кира и почувствовала, как сердце катится в ледяную пустоту. Проза жизни с ее безнадежной нищетой, нелюбимой работой, выжигающим душу одиночеством обрушилась на нее с первым звуком Аленкиного голоса. Вот ее настоящий мир, от которого она никуда не денется. И зря минуту назад, стоя у зеркала, она почти поверила в сказку... Деньги быстро закончатся, их пути с Дианой разойдутся, и она вернется в свою конуру на «Картонке». И будет сидеть на продавленном стуле, изнашивая новые шмотки, от которых нет никакого толку. И будет ждать Наташку с ее увлекательными рассказами, потому что у той хотя и не сказочная, но насыщенная жизнь, а героями вместо рыцарей и принцев являются невзрачные «козлики», «сергуньки», «васильки», которые тем не менее со своей задачей справляются, скрашивая и разнообразя Наташкины дни, месяцы и годы.

– Да?! А то мы тут прямо обыскались все. У Татьян Витальны сам Николай Всеволодович требует... Через директора, конечно!

Николай Всеволодович был хозяином всего комплекса. Надменный, жирный, сильно расширяющийся к середине туловища, с маленькой бритой головкой, он был всевластным властелином серых мышей, обитавших на «Картонке». Он мог уволить любую, без всякого трудового кодекса и профсоюза, мог вообще закрыть торгово-офисный центр и выгнать всех на улицу. Кира, как и ее товарки, видела его только издалека, всеми делами занимался директор – Игнат Филиппович, который для всех них тоже был недосыгаемо-далекой и могущественной фигурой.

Аленка помолчала, и Кира услышала в трубке ее частое дыхание.

– Ну, ты как там? Собираешься?

– Куда? – спросила машинально.

– Ну, как «куда»? На Ривьеру!

«На какую Ривьеру?» – чуть не вырвалось у нее. Прикосновение шелка к коже стало вдруг казаться чужим и неласковым.

– А... на Лазурный Берег... Собираюсь... чемоданы пакую...

Яркий шарик лопнул и бесформенной тряпкой упал на пыльную мостовую.

– Счастливая ты, Кирка, – вздохнула Алена. – Я в последнее время часто про тебя думаю. Вот бывает же так: ждала-ждала, и дождалась... А я, наверное, так в старых девах и останусь. Невезучая потому что...

– Пока, – сказала Кира и положила трубку. Она не была настроена слушать нытье другой неудачницы. Вернулась в прихожую, снова посмотрелась в зеркало. Вздохнула.

Переодевшись в старые юбку, майку и шлепанцы, бережно повесила обновки в шкаф, туда же спрятала сложенные фирменные пакеты – можно будет подарить коллегам, те будут рады. Провела рукой по волосам. И в прежней одежде волосы остались новыми: пышными и пружинящими под пальцами. Но маникюр, педикюр, маски, прическа, окраска – все это требует денег! Чтобы поддерживать себя в форме, зарплату на «Картонке» не хватит...

Прошла на кухню, поставила чайник, раскалила сквородку, аккуратно разбила три яйца – чтобы не растеклись, и получилась настоящая глазунья. Представила, как утром, собираясь на работу, стоит у плиты, жарит себе в шмотках от Версаче всегдашнюю яичницу – и чуть не разревелась навзрыд. Хотя несколько слезинок все же прокатились по гладким, после вчерашних процедур, щекам.

После завтрака Кира нашла сантехника Толяна и, показав ему пятисотку, завлекла к себе в ванную. Тот провозился добрый час, наконец, починил кран, неопределенно ответил на вопрос когда наконец будет нормально идти горячая вода и, схватив купюру, поспешно бросился вниз по лестнице. Очевидно, в отличие от Киры, он точно знал, как потратить деньги с максимальной пользой, и никаких колебаний и отклонений от цели, у него не было.

«Вот хозяйством мне и надо заниматься, а не шоппингом! – печально думала Кира, то открывая, то закрывая кран, и радуясь исправно появляющейся и исчезающей струе. – Это моя жизнь. Такая убогая и беспросветная... Как у Золушки – убирать, мыть посуду и выгребать из печей золу... Балы были не для нее, и она бы никогда не попала в королевский дворец, если бы не фея... Но феи бывают только в сказках. А Диана... Она полностью со мной рассчиталась и, наверное, уже все забыла...»

Снова зазвонил мобильник. Опять что-то потеряли? Она неспешно подошла, взяла трубку, с плохо скрываемым раздражением бросила:

– Алло!

– Ты спишь, что ли? – раздался веселый голос Дианы. – А про обед забыла?

Две фразы, как вновь надувшийся, и даже превращенный в аэростат воздушный шарик, вмиг вознесли Киру со дна ущелья Разочарований на вершину пика Успеха. Снова захотелось жить, причем жить красиво!

– Нет... В смысле не сплю... А про обед помню...

– Ты какую кухню любишь?

Такого вопроса Кире еще никто не задавал. Бывает, что еда есть в наличии и это хорошо, а бывает, что еды нет – и это плохо. Но когда еда имеется, то «кавардовать», как говорила мать, нечего, надо есть что дают!

– Что молчишь? Выбираешь? – засмеялась Диана.

– Да нет. Просто... Я всеядная. Сама выбирай!

– Тогда приезжай в «Пьеро». Там шеф-повар настоящий итальянец, и он еще никогда не обманывал ожиданий!

– Хорошо, сейчас выеду.

– Только возьми такси, я уже проголодалась!

– Хорошо...

Она быстро надела свои обновки, подхватила брошенную на стол старую сумочку («Надо новую купить», – мелькнула быстрая мысль), бросилась к дверям, но остановилась. В сумочке – целое состояние – почти миллион, нельзя носить с собой такие деньги... Но и оставлять их в квартире опасно. Куда же лучше спрятать? Она металась из комнаты в кухню, оттуда в прихожую, оттуда в другую комнату. Прятать большую сумму было совершенно некуда!

Стала вспоминать – в каких местах искали «важные улики» самозванные следователи. Пожалуй, везде... Но под ванну просто заглянули, не стали перебирать тазики и моющие средства... Значит, это место наименее уязвимо для обнаружения спрятанного! Положив деньги в полиэтиленовый пакет, она засунула их поглубже, за пачку с моющим порошком, осмотрела ванну со стороны и решила, что устроила удачный тайник. После чего, заперев дверь на все замки, стремительно выбежала из квартиры и побежала к остановке такси.

* * *

Ей понравилось ездить на машине – хоть на богатом «Лексусе» Дианы, хоть на бюджетной «Приоре» с гребешком на крыше. Уже через пятнадцать минут она оказалась на месте – без автобусной давки, без духоты, толчеи и запахов пота. В «Пьеро» она никогда не была, как, впрочем, и в других ресторанах. От Наташки, правда, слышала, что место престижное, но дорогое – даже ей нечасто удавалось попасть туда. И действительно, выполненный в нарочито

простом стиле швейцарского шале, из дерева и стекла, «Пьеро» производил на неискушенного человека большое впечатление. Кира даже опасалась, что ее не пустят – кто их знает, какие тут правила, кому можно сюда входить, а кому – нет. Правда, решила, что если сослаться на Диану, то препятствий не возникнет.

Но все оказалось еще проще – улыбчивый официант встретил ее у входа и проводил прямо к столику Дианы, которая скучающе рассматривала меню. Как он распознал, что именно сюда ей и нужно, Кира так и не поняла. Они расцеловались – казалось, что Диана так же рада встрече, как и она сама. По ее просьбе, Диана сделала заказ на обоих: карпаччо из говядины, салат из морепродуктов и шампанское «Моэт Шандон». На вопросительный взгляд пояснила:

– Машину оставила на работе, если будет надо, вызову водителя.

– А где ты работаешь? – поинтересовалась Кира.

– Во французском консульстве, – буднично ответила Диана.

– В консульстве?! Так ты... вы француженка?

– Ну, да... – Диана пожала плечами. – Что тут такого?

– Да нет, ничего... Просто, я училась во французской школе. А отец работал во французских колониях и хорошо знал ваш язык.

Диана улыбнулась.

– *Donc nous pouvons dire ma langue maternelle?*¹

– *Je ne suis pas assurée que cela me réussira bien. Mais on peut essayer.*²

Они немного поговорили на языке Бодлера, потом официант принес закуски, разлил шампанское, и Диана перешла на русский.

– Вполне прилично! Чувствуется наличие разговорной практики.

Кира кивнула.

– Когда училась в Академии, то пять лет работала волонтером с французскими делегациями. Да и отец меня часто натаскивал на устную речь...

– В языковой среде ты освоишься очень быстро. А сейчас не будем отвлекаться от еды, – Диана подняла узкий высокий бокал, в котором пузырился благородный, с легкой розовинкой, напиток.

– За твои способности! И за ту помощь, что ты мне оказала!

Они чокнулись и выпили. Пузырьки газа щекотали Кире язык, вкус оказался незнакомым.

– До сих пор я пробовала только сладкое... Еще удивлялась книгам и фильмам, в которых шампанское пьют с черной икрой и устрицами. Как можно сладкое с соленым?

– Это брют, – пояснила Диана. – Настоящее шампанское действительно хорошо с икрой, омарами, устрицами. Приезжай к нам – попробуешь...

– Ты знаешь, в молодости я об этом мечтала, – Кира допила бокал, чувствуя, как хмелеет. Официант тут же наполнил его снова. – А в этом году наврала на работе, что отпуск проведу во Франции!

– В Ницце? – спросила Диана, и попала в точку.

– Откуда ты знаешь?

Француженка усмехнулась.

– А куда еще ехать летом? Ницца, Канны, Марсель... Но большинство виз мы выдаем в Ниццу. А почему ты говоришь, что наврала?

– Да потому. Деньги-то откуда?

– Но сейчас деньги появились!

– Да... Но...

¹ Значит, мы можем говорить на моем родном языке?

² Я не уверена, что у меня это хорошо получится. Но попробовать можно.

– Что «но»?

– Я не привыкла много на себя тратить. И вообще, для меня это так непривычно...

– Привычка появляется в результате повторения, – резонно возразила Диана. – И в результате настойчивости. Вот за настойчивость давай и выпьем!

Они снова чокнулись, на этот раз Кира залпом опустошила бокал. Ей нравилось шампанское, и та легкость, которая появилась во всем теле. Да и настроение заметно улучшилось. А Лазурный Берег перестал пугать, напротив, стал сейчас гораздо ближе, чем опостылевшая «Картонка». И конечно, гораздо желаннее...

– Деньги есть, визу я тебе сделаю быстро, и с отелем помогу, – продолжала Диана, собирая вилкой тончайшие ломтики говяжьей вырезки и, ухитряясь не размазать помаду, отправила горку нежнейшего сырого мяса в накрашенный рот. – Между прочим, сейчас высокий сезон, и все отели забиты! Ну, что ты молчишь?

– А что, давай! – отчаянно махнула рукой Кира. – Лучше прокутить шальные деньги и всю жизнь об этом помнить, чем тратить по копейке на будничные надобности, которые никогда не кончаются!

– Вот за это и выпьем! – снова со звоном соприкоснулись бокалы. – Заграничный паспорт есть?

Кира кивнула.

– Есть. Собиралась в прошлом году в Турцию, да не вышло...

– Привезешь мне завтра в офис. Знаешь, куда?

– Да. Красивое здание из бежевого кирпича, недалеко от «Интуриста».

– Вот и отлично! А в прикормленном турбюро я договорюсь о туре со скидкой. Какой отель хочешь? Подешевле?

– Нет! – Кира упрямо выпятила губу и покрутила головой. – Что-нибудь знаменитое. И крутое! Я читала про этот, как его... «Негреско»!

Диана поморщилась.

– Да, «Негреско» – громкое имя... Но сейчас это всего лишь обветшалый символ напыщенности и претенциозности прошлого века. Покойная хозяйка мадам Ожье давно выжила из ума и пятьдесят лет не желала делать ремонт и менять протершиеся ковры... Сейчас его начали приводить в порядок, но это растянется на долгие годы. Причем цены там и так зашкаливают, а летом увеличиваются еще вдвое...

– А что ты посоветуешь? – Кира несколько растерялась: она ступила на совершенно не известную ей территорию.

Диана отодвинула пустую тарелку.

– Сеть «Маджестик», одна из лучших на Ривьере. Отель находится в самом центре Старой Ниццы. Рядом старинные улочки, церкви, цветочный рынок. Оттуда можно быстро доехать до Монако. Оч-ч-чень солидная публика, отличный менеджмент. Роскошные номера. Одна ночь с учетом скидок обойдется тебе в пятьсот евро... Это в два раза меньше, чем он сейчас стоит.

– Сколько?! – протрезвев, вскинулась Кира. И тут же вновь расслабилась. – А почему «ночь»? За день отдельно платить надо?

– Конечно, нет! – засмеялась Диана. – Это просто так называется. По-вашему, ночь – это сутки.

– А-а-а-а! Тогда я согласна! – беспечно махнула рукой Кира. – На десять ночей!

– Договорились. Я закажу билеты. С билетами тоже трудно, но на «Эйр Франс» одно место я обеспечу. Тем более там и обслуживание лучше...

– Отлично! – кивнула Кира и потянулась к бокалу. Но шампанское было уже выпито.

– Закажем еще бутылочку? – спросила Диана.

– Нет, – Кира покачала головой. – Я и так пьяная. А ведь надо знать меру!

– Не всегда, – усмехнулась Диана.

* * *

За два дня до вылета, Кира позвонила Коляшке, и пригласила встретиться, поболтать и поесть мороженого. Во-первых, они давно не виделись, а во-вторых, ее распирали новые впечатления и ожидания, которыми катастрофически не с кем было поделиться. Они встретились в кафе «Морозко», на площадке перед офисным центром «Звезда Тиходонска».

Знакомую фигуру она увидела издали. Кандидат математических наук, как всегда, был в одной из своих ужасных маек, со схваченной аптечной резинкой косичкой, без очков и потому брел по мутному миру опасливо озираясь по сторонам. Недаром его часто останавливала полиция, и потому он всегда носил с собой паспорт, но это не помогало – как правило, его все равно доставляли в отдел и задерживали на три часа для выяснения личности. Правда, после защиты диссертации положение несколько улучшилось: теперь вкладывал в паспорт нотариально заверенную копию диплома кандидата наук и, патрульные ограничивались проверкой документов.

Они сели на открытой площадке в тени высоченного здания. Было жарко, но на свежем воздухе, под приятно освежающим ветерком, находиться гораздо приятней, чем в кондиционированном помещении. Коляшка жадно ел огромную порцию шоколадного мороженого и с таким же аппетитом рассказывал, как по приглашению следователя, выступил экспертом в уголовном деле железнодорожных картежников.

– Они в ... работали, с отпускниками. У тех же ... на отдых приготовлены, а они их вовлекали в карты ..., – азартно говорил Коляшка, глотая мороженое и отдельные слова. – И обыгрывали ... дочиста. Там огромные деньги! А потом... схватили. Ну, а ... говорят: мы по-честному выигрывали, какие... претензии? И вправду – за руку ... не поймали...

– Ну а ты тут причем? – спросила Кира. Она пила кофе со сливками и ела заварное пирожное. – Ты видел, как они мошенничали?

Коляшка даже есть перестал, и выпучил глаза.

– Математическая экспертиза, теория вероятности! Какова возможность десяти выигрышей подряд? Вот я и рассчитал! И знаешь, что оказалось?

– Что?

– Вероятность – одна на двести тысяч! А они подряд выигрывали! Следствию все стало ясно!

– Да, здорово, – думая о своем, рассеянно сказала Кира.

– А ты, на какие деньги шикаешь? – поинтересовался Коляшка, лениво ковыряя ложечкой последний шоколадный шарик. Было видно, что он больше не хочет.

– В лотерею выиграла, – похвасталась Кира. – Вот здесь билет купила!

Она указала на стеклянный небоскреб за спиной.

– И сколько выиграла?

– Миллион!

– Ого! Это крупный выигрыш, такие редко выпадают. Вот если бы ты взяла три билета и выиграла три раза по миллиону, это был бы уже показатель мошенничества...

Кира прыснула.

– Где ты видел мошенников, которые такие выигрыши подкладывают?

Математический гений смутился.

– Ну, да... Это я с математической точки зрения. Вот если бы ты взяла сто билетов, и ни разу не выиграла – тогда мошенничество налицо...

Кира засмеялась еще веселей.

– Разве? Но такое сплошь и рядом! Значит, всех устроителей лотерей надо в тюрьму сажать?

– Тьфу! Что-то я запутался, – Коляшка, щурясь, принялся пристально рассматривать Киру. – Ты как-то изменилась. И шмотки, вроде, новые...

– Ну, да, прикупила обновки. Я же в отпуск лечу. Привезу тебе хорошую оправу, чтобы в очках ходил, как человек.

– Куда собралась? В Турцию? Или в Египет?

– Во Францию. В Ниццу.

– Во как?! Необычно! Как же ты туда вдруг наострилась?

– Случайно, Коленька! Тут недалеко одна женщина кошелек потеряла, а я нашла и вернула. Кстати, потом она мне и купила лотерейку, в знак благодарности. А на другой день я ее в Тихвертоле встретила, она помогла вещи выбрать, в салон сводила, в ресторан пригласила. А самое интересное – она оказалась француженкой, сотрудницей консульства! Она мне и визу сделала, и с билетами помогла, и отель посоветовала... Что с тобой?

Коляшка сидел, будто палку проглотил, и напряженно смотрел на Киру.

– Там есть туалет? – Он указал пальцем на офисный центр.

– Да, в конце холла, между эскалаторами.

Он встал.

– А где твои счастливые билеты продаются?

– По правой стороне, посередине, между фастфудом и кофе-экспрессом. А касса на пятом этаже – комната пятьсот двадцать пятая.

Коляшка поспешно направился к зданию, а Кира заказала еще один кофе. Она уже жила предвкушением путешествия на Лазурный Берег. Представляла себя в новом купальнике, ныряющей в прозрачную голубую волну, гуляющей по набережной, пьющей кофе с круассаном в одном из многочисленных кафе у моря...

От мечтаний ее оторвал вернувшийся Коляшка.

– Все в порядке? – из вежливости спросила Кира.

– Смотря, что считать порядком, – философски ответил он. – Кстати, никакой продажи лотерейных билетов там нет. Павильон пуст, висит табличка «Сдается». И больше ничего, никаких счастливых выигрышей! А в пятьсот двадцать пятой комнате ремонт – полный разор!

– Значит, переехали, – пожала плечами Кира. – Обычное дело. Арендаторы все время меняются. Уж я-то знаю.

– Странно как-то, – сказал Коляшка. – Неделью назад открылись, и сразу закрылись! Непонятно...

Кира только отмахнулась.

– Это меня уже не интересует. Второй раз все равно не выиграю – твоя теория вероятностей запрещает! Вернусь из отпуска, поговорим.

– Ну, хорошего отдыха, – как-то напряженно сказал Коляшка. – Надеюсь, твои деньги не пропали...

– Куда они пропадут? – удивилась Кира. – Авиабилеты, ваучер в отель – у меня на руках, виза в паспорте, деньги в сумочке и на карточке. Евро я уже купила.

– Ну, дай бог, – с сомнением сказал Коляшка.

Но Кира не обращала на него внимания – он хороший парень, но с причудами...

Они тепло распрощались.

Глава 3

Водоворот случайностей

Ницца, наши дни

Все, что мы видим и все, что мы слышим, есть совсем не то, чем оно кажется.

Лазурный Берег – это несбыточная мечта неимущих романтиков. Потому, что романтики всегда неимущие, и именно поэтому они много мечтают, в отличие от богатых прагматиков, которым мечтать некогда – они заняты повседневным удовлетворением своих многочисленных потребностей.

Как и обещала Диана, Кира летела рейсом «Эйр Франс», самолет несколько минут назад начал снижение, приятный женский голос объявил по внутренней связи, что борт заходит на посадку в аэропорт «Кот д'Азур». Кира допила очередной бокал шампанского и прильнула к иллюминатору.

Там еще не видно ни Лазурного, ни какого-либо иного берега – только морская гладь да белые скорлупки яхт. Но она чувствовала, что ее мечта совсем рядом. Здесь все необычно. Море и небо – чистая голубая гуашь, почти без оттенков, как в коллажах позднего Матисса. А сколько раз она видела, как на цветном экране садился, будто бы прямо в море, огромный «Боинг» с неотразимым белозубым Бельмондо. И вот сейчас сказочная Ницца уже внизу!

– Ой, смотрите, мы садимся прямо в море! – заохала толстая, вульгарного вида соотечественница, тяжело наваливаясь на Киру.

– Не волнуйтесь! Просто аэропорт Ниццы находится на полуострове. На маленьком искусственном полуострове. Землю мы увидим только в момент посадки.

– Вы уже здесь бывали, – обиженно констатировала толстуха, отодвигаясь. Кира промолчала. Если бы соседка узнала, что она досконально изучила путеводители по Лазурному Берегу, то обиделась бы еще больше.

Приземлились они точно по расписанию. Не выключая двигатели, «Боинг-767» зарулил в «карман», освобождая полосу для следующего борта. Лайнеры садились один за другим: в Ницце высокий сезон, аэропорт перегружен.

Пройдя пограничные и таможенные формальности, Кира вышла из здания аэропорта. Было довольно жарко. Пальмы и тропические цветы, испускающие пряные ароматы, напомнили ей Сочи. Только вывески на французском, да чужая речь вокруг. Впрочем, она разбирала слова и даже ухватывала общий смысл разговора. За ней, в сопровождении встречающих, шли крупный немолодой мужчина и высокая, стройная женщина с большим ртом, их лица показались знакомыми – Кира несколько раз обернулась, потом даже остановилась, вглядываясь. Мужчина поймал ее взгляд, улыбнулся и помахал рукой, женщина тоже улыбнулась и Кира остолбенела: это были Шварценеггер и Джулия Робертс!

Кинозвезды уселись в разные лимузины и унеслись в ореоле славы, а Кира, катя за собой небольшой пластмассовый чемодан, прошла мимо очереди на экспресс в Канны и села в такси – неновый синий «Рено», за рулем которого сидел худощавый, носатый и экспансивный француз, похожий на грача. Судя по бейджику, его звали Базиль.

– L'hôtel «Majestik»³, – сказала Кира и осталась довольна – фраза прозвучала довольно естественно.

Водитель кивнул и включил двигатель. «Базиль» – означает «король» и Кира попробовала завязать разговор.

³ Отель «Маджестик» (франц.).

– У вас королевское имя, – с улыбкой произнесла она.

– Сейчас во Франции другие короли, – мрачно буркнул Базиль, и кивнул на компанию восточного вида мигрантов возле стоянки такси. Те громко разговаривали, оживленно жестикулируя и смеясь. Чувствовалось, что они чувствуют себя здесь хозяевами.

– А только что я видела Шварценеггера и Джулию Робертс! – радостно сообщила Кира, но Базиль только поморщился:

– И что с того? Сейчас все приезжают на Бал цветов. Только мне с этого какая радость?

Неразговорчивый шофер вырулил за территорию аэровокзала и увеличил скорость. Машина неслась по Английскому проспекту. Здесь царила атмосфера вечного праздника: нарядные люди прогуливались вдоль моря, цвели клумбы, шевелили листьями многочисленных пальмы, теплый ветерок играл флагами различных стран, граждане которых отдыхали в Ницце, врывался в открытое окно и ласково шевелил Кире волосы. Они проехали мимо солидного массивного здания, с угловой башенкой, выполненной в мавританском стиле. Кира узнала не раз виденный на цветных открытках Гранд-отель «Негреско». Изысканная архитектура внушала почтение, но, напоминающее замок разорившегося барона здание, явно знало и лучшие времена, причем с тех времен утекло немало воды. Диана и здесь оказалась права.

Через полчаса они подкатили к «Маджестику». Шестиэтажное здание с затейливым под старину фасадом, большими, закругленными сверху проемами окон, резными колоннами, эркерами, причудливыми балкончиками... Увешанное цветочными кашпо и стилизованными под начало прошлого века фонарями, оно выглядело более респектабельным, чем знаменитый «Негреско». Вокруг – ухоженные ярко-зеленые газоны, кусты, аккуратно подстриженные под шары и кубы, усыпанные красным песком дорожки. На парковке блестели, отражая солнечные лучи, дорогие машины, у входа курили сигары и степенно беседовали трое солидных мужчин в отглаженных белых костюмах, на ступенях широкой мраморной лестницы стоял, как показалось Кире, генерал наполеоновской армии в малиновом мундире с позументами. Но ее внимание тут же переключилось на выбежавшую из отеля босую девушку в крохотном бикини, которая спокойно села в красную «Феррари», дверцу которой предупредительно распахнул подбежавший «генерал». Помахав ему рукой, девушка развернулась и выехала с парковки, а «генерал» подбежал к затормозившему у ступеней синему «Рено», который, надо сказать, в этой обстановке выглядел инородным телом. Правда, и «генерал» оказался не генералом, а обычным швейцаром с бейджиком «Джереми».

Приняв багаж, Джереми проводил Киру внутрь. Высокий просторный холл встретил ее прохладой, кожаной мебелью, позолотой торшеров, антикварными статуями и картинами, разноцветным мрамором, красивым фарфором в стеклянных горках и улыбкой портье – приветливого молодого человека за стойкой ресепшен.

В глаза бросились яркие плакаты, сообщающие о главном событии лета – Бале цветов в знаменитом замке Мон Дельмор. На стойке лежали красочные буклеты в которых описывались балы прошлых лет: с цветных фотографий смотрели арабские шейхи, князь Монако, премьер-министр Великобритании, мировые знаменитости: политики, кинозвезды, спортсмены, писатели...

– Мадемуазель прибыла на Бал? – спросил улыбчивый портье, заметив, что она заинтересовалась буклетом. Кире показалось, что он знает ответ и задал вопрос из вежливости.

– Увы, нет, только на отдых, – слегка смутившись, ответила она, гордясь тем, что понимает и свободно отвечает по-французски.

– Отдых у нас тоже замечательный, – кивнул молодой человек и стало ясно, что он действительно проявил вежливую заинтересованность.

Процедура заселения, которой Кира несколько опасалась, оказалась очень простой. Заполнив короткую карточку гостя и получив ключ, она, сопровождаемая разжалованным «генералом», прошла к лифту, который степенно и плавно поднял гостью на третий этаж. По

широкому светлому коридору, вымощенному большими белыми плитами, Джереми проводил ее до номера и подчеркнуто бережно положил маленький, потертый на углах чемоданчик в специальную нишу. И хотя для «Маджестика» это был явно непривычный багаж, но виду он не подал, как будто именно такие чемоданы носил по коридорам отеля всю жизнь. С достоинством приняв несколько одноевровых монет, Джереми удалился.

– Если вам понадобится открыть шампанское, наберите «единичку» и я тут же приду, – сказал он напоследок, указывая на телефон. Кира не поняла, о каком шампанском идет речь, но кивнула и сказала: «Grand merci!»

Когда дверь за швейцаром закрылась, она бросилась осматривать номер. Сразу было видно, что он стоит заплаченных денег. Солнце пробивало разноцветные витражи балкона с видом на море и выкладывало на сверкающем паркетном полу замысловатую мозаику. Стены были затянуты блестящей парчой, и искры вспыхивали то тут, то там, как будто между ее складками запрятаны крохотные бриллианты... Мебели было немного – комод с плоским телевизором на нем, широкая кровать под балдахином, секретер, прикроватная тумбочка, пузатый на гнутых ножках гардероб, два кресла, журнальный столик со стеклянной крышкой, на котором в ведерке со льдом стояла бутылка упомянутого шампанского и ваза с фруктами – подарок от отеля. Кира взяла тяжелую, запотевшую бутылку. Однако! «Кристал» – самое дорогое шампанское в России – она прочла об этом в интернете. Тут не экономят на подарках!

Она прошла в ванную комнату и долго не могла решиться взойти – именно взойти – в эту огромную, похожую больше на мини-бассейн, мраморную чашу. Она и понятия не имела, что ванны для купания могут быть сделаны из настоящего мрамора! Было боязно дотрагиваться до этих золоченых краников: а вдруг они действительно сработаны из чистого золота?

«А я, зато, кран поменяла», – подумала Кира и ужасно рассердилась на себя: дала же слово не вспоминать, не вспоминать, не вспоминать о том, что ждет ее дома! Добавив ароматных солей и шампуней в чуть горячеватую воду, она долго лежала, любуясь тонкими барельефами обнаженных женщин на мраморных стенах, разглядывая свои покрытые клочьями белой пены гладкие ноги с маленькими аккуратными ступнями и ярким педикюром, которые поднимала одну за другой, попеременно. И барельефы и ноги ей нравились, ненужные мысли растворились то ли в воде, то ли в окружающей обстановке роскоши и покоя, душа и тело расслабились. Когда вода остыла, она выбралась из мраморной чаши, промокнулась большим махровым полотенцем и, босиком прошла в комнату.

Вызывать Джереми она, конечно, не стала – открыла шампанское сама, нарезала киви и авокадо, выпила за хороший отдых и «сбычу мечт»... Она вначале хотела выйти прогуляться по вечерней Ницце, но сил уже не было: перелет и нервное напряжение высосали их, без остатка.

Включила телевизор – в местных новостях показывали яхты и вертолеты, в которых бывала на Бал вся знать Лазурного Берега да, похоже, и всего мира. Потом показали замок Мон Дельмор: он стоял на вершине торчащей из моря скалы, и подсвеченный снизу прожекторами, как будто парил в воздухе. Фантастическое зрелище! Да и сам Бал цветов – это необыкновенное чудо! Никогда Кира даже не приближалась к событиям такого уровня... Она вздохнула. «Мы чужие на этом празднике жизни!» – всплыла в памяти горькая литературная фраза. Она была начитанной девушкой. Но вряд ли это поможет ей попасть на Бал цветов. А вот Наташка прочла в своей жизни только две книги: «Каштанка» и «Муму», но отсутствие начитанности ей в жизни не мешало – она брала другим... Впрочем, это «другое» не помогло бы ей войти в круг мировых знаменитостей. Или все же могло помочь?

Кира подошла к широченной кровати, покрытой тяжелым парчовым покрывалом и усыпанной добрым десятком разнокалиберных подушек в таких же парчовых чехлах, несколько минут стояла, не зная, как к ней подступиться. Но, наконец, решилась: подушки сложила на подоконнике, сверху бросила свернутое покрывало и нырнула под белоснежный, хрустящий

крахмалом, пододеяльник. Постель пахла лавандой, вербеной и еще чем-то мягким, уютным. Кира вытерла слезы, выступившие от невозможного счастья, и быстро уснула.

* * *

Спала она прекрасно и проснулась довольно рано, как будто надо было спешить на работу. Накинув на голое тело белый махровый халат с круглой надписью *Majestik* над сердцем, она долго стояла на балконе, полной грудью вдыхала запах тропических растений и всматривалась вдаль, словно пыталась разглядеть в голубовато-бриллиантовой глади моря, сливающейся с лазоревым небом, на котором всходило большое желтое солнце, что-то свое. Особенное, непонятное ни для кого другого...

В дверь постучали.

– *Votre petit de'jeuner, madame!*⁴ – молодой стюарт в белом смокинге с черной «бабочкой» вкатил в номер накрытую салфеткой тележку.

Завтрак – это хорошо! Она вдруг почувствовала зверский аппетит. Но сперва...

– *Dites moi, s'il vous plaît, est-ce-que dans votre hotel il y a des visiteurs russes?*⁵ – спросила Кира, на всякий случай сверившись с купленным вчера в Шереметьево русско-французским разговорником.

– *Oui, madame. Au rez-de-chaussée se repose une famille charmante, qui parle russe. Mais le numéro lux dans l'aile voisine occupe une véritable princess russe.*⁶

Почтительно поклонившись, и помедлив ровно столько, сколько позволяли приличия, но не дождавшись чаевых, молодой человек ушел. Когда же до девушки дошел смысл оброненной им фразы, она рассмеялась и отбросила ненужный разговорник на кровать.

Русская княгиня! Наверняка какая-нибудь новорусская жена, купившая себе титул в какой-нибудь липовой лавочке. Она читала, что услуги подобного рода предлагаются в Москве на каждом углу. Любой Иван-родства-не-помнящий может стать графом, маркизом, а то и внебрачным отпрыском королевы Марии-Антуанетты!

Не-е-ет, милые мои, времена, когда между Ниццей и столицей Российской империи существовало прямое железнодорожное сообщение, остались там, на руинах прошлого века. Это в то время поездка в Канн или Ниццу для россиян означала то же самое, что отдых в Крыму и на курортах Кавказских Минеральных Вод. В Ницце проводили время русские офицеры, аристократы, Гоголь, Бунин, Чехов, Герцен...

– Вот тогда-то, сто лет назад, вам и надо было искать здесь «настоящих русских княгинь», – пропела Кира, окончательно развеселившись.

Она сняла с тележки салфетку. Круассаны, джем, фруктовый салат, бри и апельсиновый сок. Европейский завтрак гораздо скудней английского, а французский самый скромный из всех европейских, но Кира была в восторге. Настоящая французская гастрономия! Бледно-синяя от переизбытка крахмала сосиска и засохший салат из супермаркета – пусть всего лишь на несколько дней – остались там, далеко, где-то на краю земли, в серой и скучной жизни...

С едой она покончила за десять минут. А потом, неожиданно напевая: «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног!» (Кира и понятия не имела, что помнит слова «Марсельезы») – быстро надела купальник, накинула халат и отправилась на пляж.

Солнце только начинало припекать. Многочисленные фонтаны – боже, сколько их! – хрустально звенели водопадом струй, рассыпая вокруг себя тысячи бликов. Стеклопанная крыша

⁴ Ваш завтрак, мадам! (*фран.*)

⁵ Скажите, пожалуйста, в вашей гостинице есть русские постояльцы?

⁶ Да, мадам. На первом этаже отдыхает прекрасная семья, которая говорит по-русски. А номер люкс в соседнем крыле занимает настоящая русская княгиня.

знаменитого Парка Бабочек, грандиозным экзотическим цветком распустившего гигантский прозрачный купол у самого входа на набережную, сверкала, будто огромный драгоценный камень.

Служащий пляжа подал ей полотенце с галантностью, которую можно было ожидать разве что от принцев крови. Пляж был почти пустынным – слишком рано для богатых постояльцев. Кира сбросила халат и, осторожно ступая босыми ногами по умытой прибрежной гальке, приблизилась к атласной кромке моря, о котором столько думала и столько мечтала.

Едва заметные волны охотно приняли ее в свои объятия, любовно качнули, обдали нежной щекоткой по-утреннему прохладных струй. Море было бескрайним, невозможно красивым. Она перевернулась на спину и посмотрела на берег. Поднимающееся над кварталами старого города солнце нежно подсвечивало черепичные крыши вековых, обветшавших домишек. Русские скоробогачики, нисколько не смущаясь, строят дома в Ницце из камней замков аристократов, гильотинированных во время Великой французской революции. Самое смешное – они уверены, что таким образом купили не только благородство и древность рода, но и место в истории. Болваны!

Кира вновь перевернулась на живот. Вода стала заметно теплей – скорее всего, просто тело к ней привыкло. В нескольких сотнях метров от берега белел корпус парусной яхты. Она прищурилась на белоснежный лоскуток, выделяющийся на синей подушке моря в самом центре этой хрестоматийной картинки рая, набрала полную грудь воздуха и поплыла. На какое-то время она, видимо, просто растворилась в море, став его маленькой частицей, наполненной счастьем, как живая клетка наполнена цитоплазмой. Вдох, гребок, выдох, гребок... Пловчихой она была прекрасной и знала это. Движения получались четкими, рассчитанными на равномерный вдох-выдох, вода обтекала сильное тело, вспарывающее синюю гладь ритмичными взмахами рук.

Служащий на пляже беспокоился: не слишком ли далеко решила заплывать эта русская мадемуазель? Но, увидев, что Кира, отдалившись от берега метров на двести, спокойно перевернулась на спину и полностью отдалась ласке легких набегающих волн, успокоился и продолжил вполголоса переругиваться с продавцом мороженого.

Вода пробралась под купальник, исподволь закрадываясь в каждую складочку и щелочку... Кира почувствовала томление – смутное, неясное, расплывчатое, как бывает во сне, когда чувствуешь, что тело твое готово выгнуться навстречу чужой, космической ласке.

«Как хорошо... – думала она. – Наверное, людям, которые могут себе позволить проводить на Лазурном побережье по полгода, все здесь уже давно не кажется таким волшебным. Бедные, бедные! Как я им сочувствую...»

«Вот, например, эта яхта, – теперь Кира отчетливо, и во всей красе, могла разглядеть белоснежное суденышко, мерно качающееся на воде метрах в ста от нее. – Она вышла в море на рассвете, а может, и вовсе не подходило на ночь к причалу... Интересно, чья она? Наверное, ее снимают в складчину три-четыре пузатых бизнесмена из Парижа, которые денно и нощно разговаривают о делах и деньгах, а их фотомодельные жены ежедневно меняют наряды и портят палубу острыми каблуками... А как, интересно, она называется?»

Еще несколько десятков мощных гребков и расстояние сократилось настолько, что Кира смогла прочесть золотую вязь на кипенно-белом борту. И поняла, что толстые парижские бизнесмены не имеют к этой дорогой посудине ни малейшего отношения. Яхта называлась «Бегущая по волнам», причем знаменитое литературное имя написано по-русски! Значит, ей передают привет земляки, причем не чуждые некоторой интеллигентности, во всяком случае, читавшие Александра Грина!

Коротко рассмеявшись, Кира нырнула, развернулась, быстро, как русалка, проплыла несколько метров под водой, вспугнув стайку пригревшихся на утреннем солнце полосатых мальков, и неспешно поплыла к берегу.

* * *

На белой, как сибирский снег, трехпалубной моторной яхте «Бегущая по волнам», на самом деле находились трое. Это если не считать капитана, моториста, и двух матросов – все они скрылись в рубке и машинном отделении. Потому у разговора, который происходил сейчас под парусиновым тентом за заставленным фруктами и шампанским столом, не было ни одного постороннего слушателя.

– Зачем ты приехал? – брюзгливо спрашивала высокая сухопарая дама, в широкополой шляпе, с жемчужным ожерельем на увядшей шее. На ней было летнее, сильно открытое платье. Несмотря на набирающую силу жару, вид пожилой женщины в девичьем сарафане с разрезами на месте рукавов вызывал острую жалость: бедняга столь же старательно, сколь и безуспешно старалась казаться моложе.

Вопрос был обращен к высокому широкоплечему мужчине лет тридцати пяти, одетому в белый парусиновый костюм. Сидя у накрытого стола, но не притрагиваясь к еде, он, иронично изогнув бровь, разглядывал третьего участника застолья – длинноволосого лет двадцати пяти парня в хлопковых шортах и расстегнутой на груди цветастой рубашке. Парень ел персик, тыльной стороной ладони утирая сбегавший по подбородку сок, и улыбался прямо в глаза своему визави.

– Зачем ты приехал, Андрей? – снова спросила дама. Она нервно проворачивала на пальцах перстни с отборными, такими же, как в ожерелье, будто светящимися изнутри, жемчужинами. Стоимость этого ювелирного комплекта позволяла купить еще одну яхту, не хуже «Бегущей по волнам».

– Странный вопрос. Разве я не могу навестить тебя? – ответил человек в парусиновом костюме.

– Ты мог бы просто позвонить!

– Я решил своими глазами увидеть твое новое увлечение, мама. Как его зовут?

Длинноволосый парень улыбнулся Андрею и взял со стола еще один персик. Речь шла о нем, но эта сторона вопроса его как будто не занимала.

– Познакомь нас.

– Ах, оставь, Андрюша! Зачем это нужно? Ты не должен был приезжать... – на открытой груди проступили красные пятна. – Артурчик, познакомься. Это мой сын, Андрей.

Не вставая с места, любитель фруктов отвесил Андрею легкий поклон. Светлые волосы на секунду скользнули вниз, повисли по обеим сторонам лица и снова были отброшены за спину.

– Дорогая Элеонора, у тебя такой взрослый сын, – пропел Артур, лаская глазами свою повелительницу. – Просто удивительно, при твоей сияющей молодости...

Андрей хмыкнул. Откровенное вранье, граничащее с наглостью, вызвало у него легкую оторопь. При этом Артур продолжал сидеть напротив, безмятежно покачивая обутой в сандалию ногой, и улыбался Андрею так, будто был с ним в каком-то омерзительном сговоре.

– Ну вот, познакомила. Что-нибудь еще? – Выражение лица у Элеоноры приобрело плаксивое выражение.

– Ты не очень-то ласково меня встречаешь, мама.

– Ах, боже мой! Ну неужели ты не понимаешь, что своим приездом мешаешь мне! У тебя отпуск? Отпуск. Но для отпуска в мире так много прекрасных мест, а ты почему-то приезжаешь именно сюда!

– Почему ты не допускаешь мысли, что я просто соскучился? Мы не виделись почти год!

– Ты бы мог позвонить, – повторила она, теребя перстни.

Возникла пауза. Был слышен плеск моря о борт яхты и вежливо-приглушенное чавканье Артура – персики на столе закончились, и он принялся за абрикосы.

– Но по телефону нельзя обсуждать деловые вопросы. А ты знаешь – отцовские активы мне бы очень понадобились, чтобы выбраться из затруднительного положения. Я ведь последнее время балансирую на грани разорения! – сохраняя сдержанный тон, заметил Андрей.

– Я не разбираюсь в твоих делах! И в делах твоего отца не разбиралась. Но я имею право пользоваться его наследством и отдыхать, наконец! – Элеонора повысила голос.

– Но я тоже имею право на наследство!

– Мы же уже сто раз говорили на эту тему. И юристы тебе объясняли: раз ты не вписан в завещание...

– Он просто не успел меня вписать... Но, кроме юридических прав, есть родственные отношения...

– Уезжай, Андрей. Я прошу тебя. Наш совместный отдых не закончится ничем, кроме неприятностей, я это чувствую... Дай мне проводить время так, как я хочу.

– Тебе следовало бы помнить, что ты проводишь его на мои деньги!

– Зачем ты это говоришь?! – взвизгнула Элеонора. – Ты намерен попрекать меня? Попрекать куском хлеба?! Меня, свою мать?!!

– Твой кусок хлеба, как ты это называешь, одобрен изрядной порцией черной икры. И я никогда не стал бы упрекать тебя, если бы ты снова не начала играть в эти игры с юнцами втрое моложе себя, которые выставляют тебя на посмешище! Если бы ты просто швыряла деньги налево и направо, я бы не сказал тебе ни слова. Хотя, видит бог, они бы помогли мне восстановить отцовский бизнес! Но ты снова связалась с каким-то прощелыгой, готовым обобрать тебя до нитки. Прошлая история тебя ничему не научила, мама!

Прекратив чистить апельсин, Артур поднял на Андрея прозрачные глаза. Впервые за все время в них сверкнуло хоть какое-то чувство. Обида?

– Тебе не следует так говорить со мной, сынок. – Голос матери стал дребезжащим, режущим слух.

– А тебе следовало бы помнить, что ты уже не девочка! Тебе шестьдесят два года!

– Пошел вон! Вон! – завизжала дама, вскакивая с места. Лицо ее горело, как будто он только что надавал ей по щекам. – Пошел вон! Я тебя ненавижу!

Побледнев, Андрей тоже поднялся. Теперь они смотрели друг на друга, как давние враги.

– Никогда, никогда больше не приближайся ко мне! Щенок! – кричала она, поднимая к лицу сжатые кулаки.

Он шагнул к ней. С силой взял за локти, подержал и... отпустил. Развернувшись, посмотрел на Артура – тот продолжал индифферентно работать челюстями.

– Желаю вам счастья! – отвесил ему шутовской поклон Андрей. – И вам! – поклонился он матери, помахав у самой палубы воображаемой шляпой. – И вам! – склонился он в поклоне высунувшемуся из рубки капитану.

– Спасибо, Андрей Максимович, и вам не хворать... – проговорил потрясенный капитан, но Андрей его не услышал. Одним прыжком перемахнув через борт, он, как был, в парусиновом костюме и летних туфлях, «ласточкой» вошел в море, оставив за собой фонтан сверкающих брызг.

Дама завизжала. На яхте поднялась суета, по палубе забежали, кто-то спустил за борт канат, капитан сдирал с кормы спасательный круг... Но все это было уже не нужно.

Не обращая внимание на суматоху позади себя, Андрей мощным кролем плыл к берегу, загребая воду ровными взмахами рук. Чувствовалось, что он тоже хороший пловец!

* * *

Ничего этого Кира не видела и не могла видеть. Она плескалась в воде, ныряла, как утка за мелкой рыбешкой, затем ложилась на спину и ногами взбалтывала водную гладь в пену,

снова переворачивалась и опускала лицо в голубую прохладу. Ей хотелось петь – и она пела, тем более что на этом расстоянии от берега услышать ее никто не мог. Хотелось быть счастливой – и сегодня она была счастлива.

Прошло уже много времени, как она зашла в море и прохлада уже не просто проникала в складки тела, но и просочилась сквозь кожу, заставив тело дрожать мелкой дрожью. Пора выходить, погреться на солнце, прижаться щекой к горячей гальке... В последний раз нырнув, она взяла курс на берег.

– ...огите!!! – слабый ветерок донес до нее крик, исполненный такого ужаса, что Кира на минуту замерла. – Помогите!!!

Кричала женщина с городского пляжа, вплотную примыкающего к купальной зоне отеля. Кричала по-русски. Крошечный силуэт метался по берегу, вызывая в памяти сходство с каким-то мультипликационным персонажем.

– ...онет! – услышала Кира. – О, господи, он тонет!

А кругом было так спокойно! Час назад пустынный пляж заполнился отдыхающими, на желтом песке расцвел веселенький садик из цветных тентов и надувных матрасов самых невообразимых оттенков. Море осталось тихим, ласковым, невозможно было поверить, что здесь может разыгаться настоящая трагедия!

– Он тонет, тонет! – рыдала женщина. – Господи, да помогите же кто-нибудь!

Наконец Кира увидела его – мальчика лет шести с красным надувным медвежонком, который плескался метрах в пятидесяти от берега. Ах, нет! Он не плескался, а действительно, самым настоящим образом, тонул! Светлая головенка на миг показывалась над каемкой воды и вновь исчезала. Ветер гнал красного медвежонка прямо на Киру.

Кира резко ускорила ход, направляясь навстречу ребенку раньше, чем ужас происходящего дошел до ее сознания. К счастью, расстояние было небольшим, и она даже не успела запыхаться, когда подросла на помощь. Но успела вовремя: маленькое тельце уже не боролось – она сумела подхватить его уже под водой:

– Держись, малыш! – крикнула она и, хватив ртом и носом соленую воду, принялась кашлять и отплеиваться, дыхание сбилось. Но мальчик не мог держаться. Он был без сознания. Кира похолодела, увидев бледное лицо без красок жизни. Ребенок безвольно повис у нее на руках, и она совершенно не представляла себе, как доберется до берега. Вода начинала затягивать и ее – если бросить ставшее невероятно тяжелым тельце, то может и выплывет, а если нет, то вместе с ним пойдет на дно... Где же спасатели? Ведь тут обязаны быть спасатели!

– Дайте мне! – раздалось рядом и в поле зрения появилось лицо незнакомого мужчины. Он тяжело дышал, но руки были твердыми, сильными – Кира почувствовала, как ее обхватили за талию и поддерживают над водой, не давая захлебнуться.

– Вы в порядке?

– Не знаю...

– Посадите ребенка мне на спину и цепляйтесь сами. Не за руки – за плечи! Следите, чтобы мальчик не соскользнул, придерживайте его своим телом. И ничего не бойтесь. Дышите ровнее. Сейчас мы отсюда выберемся.

Как небольшой катер, неожиданный спаситель направился к берегу. Плыл он неторопливо, хотя и целеустремленно. Волны расступались под его мерными гребками. Женщина перестала звать на помощь, у самой кромки воды собралась небольшая толпа. Их ждали – размахивали руками и подбадривали криками.

Почувствовав под ногами дно, Кира отцепилась от незнакомца. И только сейчас заметила, что все это время держалась не за голое тело, а за промокший рукав светлого костюма. Он бросился в воду одетым! Ну, надо же...

Гомонящая толпа приняла ребенка из рук незнакомца, очень толстая мамаша в очень цветастом купальнике метнулась к сыну. Киру и молодого человека оттерла кучка итальянцев –

размахивая руками, пять или шесть разновозрастных людей, очевидно, одно семейство, суетливо пытались пробиться к распростертому на песке маленькому тельцу.

– Петенька! Очнись! Сынок! Петенька! – подвывала мамаша, размазывая по лицу ярко-красную помаду. – О господи, да уберите же вы эту компанию! Что им нужно?! Петенька! Сынок! Да что они говорят?!

– Они говорят, что один из них – врач. И что нужно допустить его к вашему ребенку. У мальчика может быть отек легких, – сказал рослый мужчина в мокром костюме.

– Где врач, где?! – вскричала мамаша, кидаясь на итальянцев. – Кто врач? Кто из вас врач?! Умоляю, спасите моего ребенка! Он умирает!

Человек в мокром костюме что-то коротко сказал по-итальянски, затем по-французски – и толпа расступилась, давая проход. Итальянский доктор опустился на песок рядом с мальчиком, оттянул ему веки, пощупал пульс – и вдруг, резко приподняв ребенка за спину, нагнул ему голову, а другой рукой крепко надавил на грудь. По телу мальчика прошла дрожь, изо рта и носа хлынула вода.

Толпа радостно ахнула и зашевелилась.

– Пойдемте, – неожиданно обратился к Кире благородный спаситель. – Дальше они и без нас разберутся.

Взяв за руку, он вывел ее из толпы и повел к отелю. Она шла послушная, замороженная нереальностью всего происходящего, позабыв даже, что на пляже остались ее вещи: сумка, сандалии, сарафан. За ними пришлось вернуться с полдороги.

Когда они наконец добрались до «Маджестика», смотреть на них сбежалось пол-отеля. Респектабельная гостиница была потрясена необычным зрелищем: девушка в узком красном бикини, оставляя на мраморном полу мокрые следы, поднимается по мраморной лестнице, а за руку ее ведет широкоплечий, мокрый насквозь молодой человек, с костюма которого частыми ручейками струится вода. Так они дошли до номера. Незнакомец протянул руку – все еще пребывающая в сомнабулическом состоянии Кира вложила в нее ключ. Дверь открылась без скрипа. Незнакомец вошел первым.

– Ну, вот теперь вы на месте. Рекомендую принять теплый душ и отдохнуть. Еще лучше, если перед сном вы выпьете чего-нибудь крепкого. От стресса надо избавляться именно таким образом.

Кира смотрела на него во все глаза.

– Зачем вы меня проводили?

Этот простой вопрос его удивил.

– А правда, зачем? – Он смотрел так, как будто Кира знала ответ и могла его сейчас сказать. Глаза у него были удивительные – редкостного, чистого зеленого цвета с золотистыми крапинками. – Знаете что? – рассмеялся он, и от этого смеха в Кирином номере сразу потеплело. – Наверное, я чувствую за вас ответственность. Как-никак я ваш спаситель.

Кира кивнула. Отвернулась. Подхватила с ручки кресла купальный халат, накинула на плечи.

– Хотя... Вы тоже спаситель... то есть спасительница. Вы спасли ребенка, а я спас вас. У нас тут наметился небольшой клуб спасителей жизни, забавно, не правда ли?

– Да. Смешно, – на самом деле она не видела в этом ничего смешного.

– Простите, я, кажется, был не очень вежлив. До сих пор не представился. Хотя сами понимаете, обстановка к знакомству как-то не располагала... Меня зовут Андрей. А вас?

– Кира.

– Кира! – Он склонил голову к плечу и прислушался. – Кира, Кира... – Губы его произнесли ее имя несколько раз, словно пробуя его на вкус. – Это очень красиво.

– Вы живете в этом отеле?

– Нет, – сказал Андрей, к великому ее разочарованию. И тут же поправился: – Пока нет. Я только прилетел. Утренним рейсом. Оставил чемодан в камере хранения аэропорта и пошел... – он запнулся, – пошел навестить одну... одного человека.

– У вас здесь знакомые?

– Да... близкие знакомые. Ближе не бывает.

От Киры не укрылась горечь, с которой он произнес последнюю фразу.

– Но... Как же вы спуститесь вниз в таком виде? Тут тако-о-ой навороченный отель, – сказала она совсем уже по-свойски, как старому приятелю.

Он усмехнулся, оглядывая себя в зеркало.

– Да, вид у меня, конечно... Ихтиандра приодели, а он решил поплавать...

Кира улыбнулась.

– Вот что, – сказала Кира. Пережитый только что стресс наполнял ее неожиданной решимостью: во что бы то ни стало, хотелось продлить общение с этим странным, но таким привлекательным мужчиной. В глубине души, под стихающими адреналиновыми волнами, Кира была готова, чтобы общение переросло в нечто большее, гораздо большее.

– Позвоните на ресепшен и распорядитесь, чтобы съездили в аэропорт и привезли ваш чемодан. А сами тем временем пойдете в душ. Потом обсушитесь, переоденетесь в сухое, спокойно спуститесь и оформите заселение. Как вам такой план?

– Это самый прекрасный план, который мне только доводилось слышать!

Андрей шагнул к телефону, набрал номер и изложил свою просьбу. Опустил трубку, положил рядом ключ.

– Кажется, мы только что поменялись ролями: теперь вы стали моей спасительницей.

– Что вы... такая мелочь.

Куда делась вся ее решимость, готовность действовать? Кира чувствовала, как ее вновь охватывает привычное чувство неуверенности в себе, желание взять безопасную дистанцию с мужчиной. Да что это такое?! Только что собиралась быть современной, раскованной – как темпераментные и независимые героини французских фильмов. Но стоило ему произнести несколько французских фраз своим красивым бархатистым голосом, стоило поднять на нее играющие лукавым огоньком глаза – и на тебе, ни решимости, ни французского кино!

Андрей оглядел номер, задержав взгляд на широкой кровати.

– Хорошо тут. Комфортно.

– Да, – ответила она, тщетно пытаясь выглядеть современной и раскованной. Хотелось добавить еще что-нибудь, преодолеть наступивший ступор, но в голову лезли какие-то глупости про пахнущие лавандой простыни, про огромную мраморную ванну.

С одежды Андрея все еще сочилась вода. Он посмотрел себе под ноги, пошлепал подошвами по набежавшим лужицам.

– Кто же пойдет первым в душ? – спросил он, придав лицу комично-растерянное выражение. – С одной стороны, как джентльмен я должен пропустить вперед даму... С другой – мокрый джентльмен портит даме интерьер, – на губах играла многозначительная улыбка.

– Идите вы первый, – сказала Кира. – Вы гость все-таки.

– Что ж, – он потянул с себя пиджак. – Как гость, я поклядист и не привередлив.

Пиджак лег на стекло журнального столика.

– А может, пойдем вместе? – Он двинулся в сторону Киры, расстегивая рубашку.

– Вместе? – переспросила она, чувствуя, как заколотилось бешено сердце – будто они вернулись в море, и нужно снова спасать чью-то повисшую на волоске жизнь.

– Конечно. Мы же уже купались вместе...

Рубашка улетела следом за пиджаком. Кира любовалась его крепким, ладно скроенным белым телом. Здесь, в мире загара, белизна придавала ему особенный шарм.

Она молчала.

– Мне кажется, у нас обоих на уме одно и то же, – сказал он тихо. Мягко, но уверенно он притянул ее к себе и поцеловал. Кира откликнулась, задрожав всем телом, сильно прижалась к нему.

– Так и есть, – сказал он совсем уже шепотом и расстегнул застежку бюстгальтера. Белые груди с маленькими розовыми сосками выскочили наружу. Лифчик полетел на пиджак, его догнали узенькие трусики. Он не спешил. Он был нетороплив и чуток, точно угадывая, когда следует замедлиться и повременить, когда двинуться дальше, ускориться и сделаться настойчивей. Его губы были солонны, соль проступала на спине и плечах – и Кире казалось, что они легли не в постель, а в притихшее шелковистое море. И вот уже накатывает первая волна, захлестывая восторгом, и Кира выгибается всем телом, отдаваясь во власть чудесной стихии, обещающей быть бережной и нежной.

В дверь постучали – портье принес чемодан Андрея. Но едва ли этот стук мог прервать то, что происходило между мужчиной и женщиной в двести тридцать восьмом номере отеля «Маджестик». Тем более что вышколенный персонал вел себя достаточно деликатно, беспредельной настойчивости не проявлял, поэтому чемодан был успешно занесен в номер через полтора часа.

* * *

Ей снился парк в Тиходонске. Старинный и запущенный. Высокие лиственные деревья росли тесно, соприкасаясь ветвями. Она шла по аллее, запрокинув голову, и любовалась листьями, пронизанными солнечным светом. Листья тихонько шелестели, хотя не было ни ветерка. От них исходил приятный горьковатый запах – он был хорошо ей знаком, но Кира никак не могла вспомнить, чем это пахнет. Но постепенно лицо парка менялось – он становился гуще и приобретал все более дикий вид. Послышались какие-то крики, крупная обезьяна пролетела перед ней на лиане, деревья превратились в сплошную зеленую стену из которой выглядывала голова страшного идола со сверкающими глазами, взгляд которых прожигал до самой души... «Джунгли!» – поняла Кира и, развернувшись, бросилась назад в такой мирный и безопасный парк... Но его не было – вокруг расстилались зловещие джунгли, населенные ядовитыми змеями, крокодилами и кровожадными канибалами. Она закричала и проснулась от собственного крика. Сердце колотилось. Такие страшные сны она видела в детстве, после рассказов отца об Африке. Она открыла глаза, резко села и увидела, что все в порядке – кругом чисто, уютно, тихо и спокойно. Судя по всему, и кричала она во сне.

Закрытый от Кире развернутой газетой Андрей в махровом гостиничном халате сидел перед столиком, на котором стоял завтрак – кофейник, круассаны, пиалы с маслом и джемом, кувшинчик со сливками. Еще несколько прочитанных и неровно сложенных газет валялись на полу возле кресла. Кира посмотрела на его голые волосатые ноги, вальяжно выставленные из-под халата и закинутые одна на другую, и разом вспомнила все, что было ночью. Ах, что это была за ночь! Не стесняясь наготы, Кира откинула одеяло: ей хотелось быть раскованной и темпераментной – оказывается, с таким мужчиной это очень просто и совершенно естественно!

– Спасение двоих утопающих русской гостьей отеля «Маджестик», – услышала она его голос. – Туристка из России спасла шестилетнего мальчика и мужчину, тонувших вчера на виду у большого скопления пляжных зевак.

Прошуршала складываемая газета. Опустив ее на стопку возле кресла, Андрей улыбнулся своей красивой белозубой улыбкой.

– Спасенный мужчина приветствует свою спасительницу и желает ей доброго утра. Как спалось, моя морская красавица?

– Сказочно, – улыбнулась она в ответ. – Снился парк.

– Возможно, это были райские кущи?

– Возможно. Но Адама я там не застала. Он уже завтракал. К тому же, парк перешел в страшные джунгли...

– А может, это был ад?

– Не знаю... Ничего не знаю... Неужели мы почти сутки провалялись в постели?

– И не только провалялись...

Кира посмотрела Андрею в глаза. Ей понравился ответный взгляд – открытый и теплый. Дружеский взгляд близкого человека, и этого было достаточно, чтобы сердце Киры забилося чаще. Он подошел к кровати и, опустившись на колени, поцеловал Киру в подбородок, потом в шею и, наконец, в губы долгим страстным поцелуем. Когда объятия разомкнулись, она сказала:

– Но ведь это ты меня спас. И мальчика. Нас обоих.

– Боже упаси тебя сказать об этом газетчикам!

– Почему?

– Ты лишишь их идеального сюжета. Женщина спасает двоих. Здешние феминистки проклянут тебя, если ты их подведешь.

Андрей поднял с пола стопку неровно сложенных газет и встал. Подошел к окну. Не касаясь штор, выглянул в просвет между ними. Привстав на локте, Кира любовалась его спортивной спиной в мягко облегающем халате.

– Мне надо спуститься вниз ненадолго, – сказал он, отворачиваясь от окна. – Чтобы уладить формальности.

Дойдя до середины комнаты оглянулся на Киру и добавил:

– С твоего позволения, *mon cher*, я оплачу совместное проживание.

В ответ Кира потянулась всем телом – сладко, до хруста.

– Не хочешь позавтракать, пока кофе не остыл?

Андрей вытащил из шкафа брюки и рубашку. Он даже вещи успел распаковать – беззвучно, не разбудив ее.

– Я взял ключ, – предупредил он.

После того как за ним закрылась дверь, Кира еще полежала какое-то время, нежась на влажных, измятых за ночь простынях и, упругим рывком, словно собираясь взлететь, поднялась. Похоже, время близилось к полудню. Но смотреть на часы не хотелось – пусть время течет бесконтрольно: счастливые часов не наблюдают! Надев халат, Кира выглянула в окно. Солнце и впрямь было высоко. На небе ни облачка. Все столики, расставленные на веранде кафе напротив, были заняты. Кире даже показалось, что столиков больше обычного.

«Надо же! Вчера такого не было, а сегодня аншлаг. Наверное, пик сезона!»

Кто-то из посетителей кафе вскинул фотоаппарат и сфотографировал фасад отеля, и тут же еще двое подняли свои камеры, и еще...

«Туристы, новый заезд», – решила она.

Удобно расположившись за столиком, она налила кофе, добавила немного сливок, намазала на круассан масло. Круассан был настолько воздушный, что сжимался между пальцами так, что они соприкасались. А стоило отпустить – и он вновь возвращался к прежнему состоянию. Наслаждаясь настоящим французским завтраком – вторым в ее жизни, она заглянула в газету.

«Русская туристка спасает сына одной из богатейших женщин Лазурного Берега», – прочитала она.

Вот те на! Толстая тетка на общем пляже, ну никак не тянула на богачку! Круассан Кира дожевывала, удивленно распахнув глаза. Отхлебнула кофе, взяла другую газету. На первой странице красовалась фотография, на которой она – обессиленная, мокрая, покидает пляж в сопровождении Андрея. Кто успел сделать снимок?! Когда?!

Крупный заголовок гласил: «Гостя отеля «Маджестик» спасла мальчика и мужчину». И чуть ниже более мелким шрифтом: «Один из тонувших – сын богатейшей жительницы Ниццы».

Да что они, с ума посходили? Или журналисты что-то путают, или эта толстуха – сумасшедшая миллионерша, которая тщательно маскируется...

К статье прилагались еще несколько снимков: спасенного мальчика, его толстой мамы, Андрея, запечатленного, судя по костюму, на светском приеме – и какой-то пожилой дамы в бриллиантовом колье. Фото дамы и Андрея были повернуты вполоборота друг к другу – так что создавалось впечатление, будто они вступают в некий диалог. Но даже без этой редакторской уловки было видно, что эти двое связаны друг с другом кровными узами! Получается, это Андрей – сын миллионерши, а не малыш! И что она его спасла, а не наоборот!

– Обалдеть! – выдохнула Кира, покрутив головой. – Что хотят, то и пишут. Хоть бы разобрались вначале!

Она налила из блестящего кофейника еще кофе, надкусила следующий круассан, одновременно просматривая по диагонали описание происшествия. Андрей, оказывается, плывал в костюме не потому, что не успел раздеться, как он сам объяснял – просто свалился с яхты своей матери. Той самой, неподалеку от которой Кира плавала.

«Как можно свалиться с яхты?» – недоумевала она. Впрочем, журналист тут же прояснил ситуацию со своей колокольни:

«Андрей Войтов – сын застреленного в Москве олигарха Максима Войтова, унаследовал его бизнес, хотя с развитием его испытывает определенные трудности. С матерью у него довольно сложные отношения... И есть версия, впрочем, ничем пока не подтвержденная, что Андрей Войтов был сброшен с борта «Бегущей по волнам» в результате очередного скандала с madamme Voitoff...»

– Что хотят, то и пишут! – повторила Кира. – Но Андрей тоже хорош – про богатую маму ни слова! Может, думает, что я охотница за миллионами? Хотя все основания для этого есть, вот Наташка – как раз пример такой охотницы! Но где он?

Андрей вскоре вернулся. В одной руке его был роскошный букет, в другой конверт, увенчанный пышным бантом.

Кира как раз доедала третий круассан. То ли от интенсивных ночных утех, то ли от прочитанных новостей, у нее проснулся зверский аппетит. Сопроводив взглядом букет, положенный на столик возле кофейника, благодарно кивнула.

– Это тебе!

– Угу, – только и проговорила она с набитым ртом.

Заметив скомканные газеты, небрежно брошенные на пол, Андрей усмехнулся.

– Вот это в развитие темы, – он положил конверт перед Кирой. – Вручили на ресепшен. Думаю, там письмо благодарности от отеля. А также администрация с радостью сообщила, что в знак особой симпатии продлевает ваше проживание в отеле на три дня без оплаты, с пожеланием провести лучший отдых в вашей жизни.

– Лучший отдых в моей жизни уже состоялся, – улыбнулась она, прижимаясь к нему плечом. – Он же, правда, и первый, по большому счету... если не считать поездку в Анапу на третьем курсе... Но мне, кажется, хватит на всю оставшуюся жизнь.

– Можешь рассказать об этом журналистам. Их внизу несколько десятков!

– Журналисты меня мало интересуют...

Кира снова, уже не так явно, присматривалась к Андрею: теперь, когда он знает, что она знает, что он наследник миллионов, – переменится ли что-нибудь в его поведении? Но все было по-прежнему. Естественные манеры, открытый взгляд, ровный тон... Похоже, Андрей Войтов был не только богатым, но еще и порядочным человеком.

«Может, не нужно сразу влюбляться?» – одернула она себя и вздохнула, едва не произнеся вслух: «Поздно!»

– ...почему они пишут все, что придет в голову? Неужели нельзя их прогнать?

– Вряд ли! Они буквально осаждают отель. Я просил управляющего призвать их к порядку, но он только развел руками – свобода слова! Да и то, что он может? Разве что напомнить им о правилах приличия. Но желтая пресса и правила приличия... сама понимаешь...

– Ага, понимаю! – Кира кивнула. – Ну что, пойдем на пляж?

– Пойдем. Только просто так они нас не выпустят. Придется тебе с ними поговорить.

– Поговорить? О чем?

– Рассказать, как ты нас спасала. Как гребла из последних сил, а я хрипел: «Только не бросай!» – и цеплялся за разные места...

– Андрей!

– Ну, нельзя огорчать прессу. Люди с утра там сидят, кофе обпились уже. Я, кстати, свое отработал. Успокоил общественность: мол, меня никто с яхты не сбрасывал.

– И?

– И все, сказал «ноу комментс», и был таков.

– Ну вот, все оставил разгребать хрупкую наивную девушку.

– Не хотел отбирать у тебя хлеб. Да и забыл я, по правде говоря, как дело было, – сказал он, подходя к Кире и схватив ее в охапку. – Нужно бы вспомнить, как ты меня спасала... А главное – как и за что я хватался...

Через час, сходя в душ, Кира вышла к Андрею в полной боевой готовности: макияж, оранжевая маечка, джинсы, босоножки на шпильке.

– Да, – протянул Андрей. – Вот это я понимаю, улов... Вот это, я понимаю, дары моря...

– Сходишь со мной? – попросила Кира. – Я буду волноваться...

– Схожу! – кивнул Андрей.

Глава 4

Вы поедете на бал?

Ницца, наши дни

Получив подарок от жизни, посмотри – нет ли на нем цены.

Стоило Кире с Андреем выйти из лифта, наперерез им, подчеркнуто доброжелательно улыбаясь, и включая на ходу диктофоны, целеустремленно направились молодой длинноволосый парень в рваных джинсах и гавайской рубашке, и коротко стриженная рыжая девушка в такой же одежде, туфлях на низком каблуке и с фигурой «унисекс».

– Вы прибыли на бал?

– Вы женаты?

Следом за ними выдвинулись три фотокорреспондента, семена по холлу зигзагами в поисках выгодного ракурса, и поблескивая на ходу объективами.

Защелкали затворы, вспыхнули блицы, но Кира, не обращая внимания, шла к выходу. Когда она появилась на ступенях, ее сразу окружили человек десять пишущей братии, от уличного кафе бежали еще столько же. Вопросы посыпались, как пушечные выстрелы.

– Вы были знакомы друг с другом раньше или познакомились в Ницце?

– Какие отношения связывают вас?

– Расскажите, как вам это удалось – вытащить на берег сразу двоих, тонувшего мальчика и довольно крупного мужчину.

– Вы занимались плаванием?

Оглядев нацеленные на нее взгляды, диктофоны и фотообъективы, Кира собралась и взяла себя в руки.

– На самом деле, – начала она по-французски, но испугалась, что забудет какие-нибудь слова, собьется, и перешла на русский. – На самом деле, это господин Войтов спас меня и мальчика. Мне не хватало сил удерживать мальчика над водой. Даже не знаю, что было бы, если бы Андрей... господин Войтов не подоспел. Нам так повезло, что он оказался в море, и что он такой сильный и смелый...

Вопросы сыпались, как из рога изобилия, вдобавок повторялись, Кира отбивала их, как опытная спортсменка мячики на теннисном корте. Она ждала, когда вопросы закончатся и Акулы пера разойдутся, но похоже, это были напрасные ожидания.

Краем глаза Кира заметила, как подъехала большая черная машина, как стоящий у входа в «Маджестик» швейцар открыл заднюю пассажирскую дверь. За ней угадывалась фигура женщины в светлом костюме. Немного помедлив, и не выходя из машины, женщина что-то сказала швейцару. Тот, почтительно поклонившись, закрыл дверь и отошел.

– Нет, мы не были знакомы раньше, я же уже сказала, – продолжала отвечать Кира. – Мы познакомились в море... То есть потом познакомились, когда выбрались... Мы впервые встретились в море.

– Прости, я не могу тут больше оставаться, – сказал Андрей, наклонившись к самому уху Кире. Затворы фотокамер защелкали. – Там стоит «Роллс-Ройс» моей матери. А я не хотел бы сейчас с ней встречаться. Слишком, знаешь ли, свежо...

Кира посмотрела на машину, потом на Андрея.

– Ты отлично справляешься, – подмигнул он. – Хотя портишь чудесную историю про Киру Морскую Спасительницу...

И уже по-французски, сказал, повышая голос:

– Дамы и господа, смею вас уверить, что наши отношения... которые вас, мадемуазель, так интересовали, – он нашел взглядом молодую журналистку с ярко-рыжими волосами, – складываются самым замечательным образом и пребывают в самой прекрасной стадии.

И снова наклонился к Кире.

– Вернусь через часок-другой. Мне нужно подписать кое-какие бумаги в банке.

Он направился по улице в сторону порта, и фотокамеры защелкали ему вслед.

– Я буду на пляже, наверное, – бросила она уходящему Андрею, и тот, обернувшись, улыбнулся.

– Попробую к тебе присоединиться. На этот раз без пиджака.

Следом за ним увязались было несколько журналистов, но Андрей бросил им на ходу, что отвечать на вопросы не будет, и ускорил шаг.

«Роллс-Ройс» тем временем тронулся и, обогнув отель, въехал во внутренний двор.

– Главное, что я хочу сказать: это господин Войтов спас меня и мальчика, – повторила Кира для верности и, вспомнив напутствие Андрея – уходить, как только возникнет первая пауза, сказала: – А теперь простите, я хотела бы вернуться в номер!

Затворы камер отщелкали еще раз – теперь вслед уходящей Кире. Пройдя через холл, она дошла до лифта и нажала кнопку вызова. Зайти в номер, надеть купальник и сразу же отправиться к морю... Но в ясные планы уже вмешалась внешняя сила, сила случая, имевшая, похоже, немало преимуществ на том игровом поле, на котором, помимо своей воли, очутилась Кира.

– Извините, мадемуазель, – раздался почтительный голос сзади. – С вами хотела бы встретиться мадам Войтова.

Интонация, мимика, вся фигура управляющего добавляли к содержанию этой фразы столько оттенков смысла, что Кире потребовалось несколько долгих секунд, чтобы все их уловить. «Сама госпожа Войтова – вы ведь знаете, о ком я говорю – хочет с вами увидеться», – говорили его слегка приподнятые – очевидно, для обозначения важности сказанного – брови. «Это и для меня неожиданность», – добавляли его удивленно расширенные серые глаза. «Это включает вас в узкий круг избранных, в котором и я отчасти состою», – намекала довольно близкая дистанция, на которую он подошел, дабы сообщить известие. «Вы ведь понимаете, что от такого предложения никак нельзя отказываться?» – резюмировали его чуть развернутые в сторону плечи – будто он заранее уступал Кире проход, ожидая, что она сейчас же бросится к мадам Войтовой, на бегу уточнив направление.

Первое, что мелькнуло в голове у Киры, когда она осознала сказанное: «Андрей ушел, только чтобы с ней не видеться». Воображение девушки тут же нарисовало нечто среднее между Пиковой дамой и крестной мамой русской мафии на Лазурном Берегу. «Что ей надо от меня?» Чувство обиды на Андрея – бросил одну на растерзание своей мамы – скользнуло неприятной тенью.

Но управляющий держался уверенно, и выглядел очень значительно. Да и место солидное. Не похитят же ее, в конце-то концов – вот так, из дорогого отеля, средь бела дня!

«Вот так закрутился отпуск!» – подумала Кира.

– Прошу, – управляющий жестом указал направление – в глубину холла, мимо ресепшен. – Она ждет вас в ресторане.

И добавил тоном почти интимным:

– Ее зовут Элеонора Леонидовна.

В лучших традициях романов девятнадцатого века мадам Войтова ждала Киру в отдельном кабинете. Небольшое уютное помещение было оформлено под барокко: голубые с золотом стены, пышные завитки затейливых узоров, картины на стенах. Когда Кира вошла, Элеонора Леонидовна – похоже, без особого интереса, разглядывала одну из них. Она была худощавой, с короткой стрижкой и тщательно уложенными платиновыми волосами на маленькой головке.

Легкое светлое платье доходило до середины икры, туфли на плоской подошве выдавали наличие артрита.

– Здравствуйте, мадемуазель, – сказала мадам Войтова с приветливой полуулыбкой, развернувшись на звук шагов и эффектно продемонстрировав прямую осанку и элегантность движений. – Весьма признательна, что приняли мое приглашение.

Кира подумала, что и картину она разглядывала именно для этого, чтобы эффектно вернуться.

– Добрый день, Элеонора Леонидовна, – ответила Кира сдержанно.

– О! Прошу вас, называйте меня Элина. Уверена, мы можем подружиться. Вы ведь уже подружились с моим сыном?

Она состроила шутливую гримаску, в которой одновременно содержалось и приглашение не церемониться, и выражение симпатии. Но Кира невольно вспыхнула и смущенно закусила губу. Да и демонстрируемое дружелюбие было похоже на маску: глаза, смотревшие на Киру из-под искусственных, неестественно пышных для возраста мадам Войтовой ресниц, поблескивали холодно, как чуткие зоркие сканеры.

– Прошу вас, Кира, простите мне мою излишнюю прямоту...

Элеонора Леонидовна понизила голос, насытив его интимными шелковистыми нотками.

– Издержки возраста, знаете ли. Да и многое, многое здесь по-другому. Люди обходятся без экивоков, отучились ходить вокруг да около. Очень, кстати, удобно.

Она жестом пригласила Киру сесть, предлагая тем самым перейти к сути, и неторопливо устроилась сама по другую сторону массивного с неровными округлыми краями стола. Кира послушно уселась в огромное пухлое кресло с изогнутой по краям спинкой – точнее, погрузилась в него, как миниатюрная драгоценность в чересчур просторную коробочку.

Под энергичной сухой ладошкой стоявший на столе механический звонок самого что ни на есть классического вида – блестящий купол с кнопкой – издал оглушительную залиvistую трель. Из-за тяжелой портьеры в цвет голубых стен показался пожилой седовласый официант, которого Кира, столкнувшись с ним в холле, вполне могла бы принять за приезжего герцога.

– Доброго вечера, дамы.

Официант выложил перед каждой меню и собрался уходить, но Элеонора Леонидовна остановила его еле заметным жестом – слегка приподнятыми пальцами руки, лежащей на столе.

– Мне, пожалуйста, салат «нисуаз» с тунцом, Симон, – сказала она. – Добавьте каперсы и анчоусы. И бокал шабли. Без особых изысков, одиннадцатого года.

Поглядывая на меню, Кира чувствовала, как ее сковывает неловкость. Сейчас она погрязнет во всех этих незнакомых блюдах, среди которых наверняка есть заведомо неприемлемые – вроде, скажем, лягушек. А расспрашивать не хотелось, чтобы не выглядеть деревенщиной. Она не придумала ничего лучше, как попросить кофе и смузи.

– Может, пирожных? – учтиво переспросил седовласый официант. – Какие пирожные предпочитает мадемуазель? С молочным кремом, с шоколадом, с фруктами, с карамелью? У нас пятнадцать видов и все очень вкусные.

Кира заказала фруктовое и карамельное пирожное, ледяной смузи из агавы, двойной эспresso – и осталась с Элеонорой Леонидовной Войтовой один на один.

– Не буду вас томить, сама этого не люблю, – голос новой знакомой сделался более деловым, но она по-прежнему старательно демонстрировала дружелюбный настрой.

Беззвучно постучав по мягкому поручню нарощенными ногтями, она приступила к делу.

– Прежде всего спешу уверить, что мои намерения относительно вас, Кира, как и относительно Андрея, исключительно добрые. Он мой сын. Этим все сказано. Хотя, и не всем понятно.

Ее узкая правая бровь выгнулась аркой.

– И я заинтересована, чтобы в его жизни появилась приличная неиспорченная девушка... а я уверена, что вы именно такая, – перебила она сама себя. – Так вот, я в этом заинтересована, и готова этому способствовать...

Официант принес заказ, ловко расставил тарелки, стакан с зеленоватым фруктовым коктейлем, чашку кофе, бокал с вином, и ушел так же беззвучно, как появился. Кира уже догадалась, что в этом разговоре ей не обязательно участвовать – достаточно слушать. И она слушала, заняв себя пирожными, которые, как и обещалось, оказались невероятно вкусными. Так же, впрочем, как смузи и необыкновенно ароматный кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.